

ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ

4 октября 2019 года, в День учителя, состоится седьмое вручение Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского в номинации «Русская словесность». Предлагаем вашему вниманию тексты, выдвинутые на соискание премии.

На фото (слева направо) в первом ряду: Анфиса Горелкина, Василий Игошин, Таисия Размахнина, во втором ряду: Мария Веруш, Лилия Мурзаева, Анастасия Баранова, Дарья Гордеева, Сергей Ахапкин, Дарья Ветрова, Анастасия Черкаева, Наталья Соболева, Герних Бартельс, Давид Арустамьян, Екатерина Бушуева, Белла Айзенберг, Анастасия Алёшина

Юрий Брониславович Пирятинский

Эта премия создана в память о нашем друге – учителе, который проработал в красном здании на 2-й Пугачевской всю свою жизнь.

«Учитель, у которого не было другой жизни, кроме жизни школы и его учеников-воспитанников.

Один из лучших за все время существования школы воспитателей и предметников одновременно.

Педагог, который считал свой предмет – русский язык – великим средством воспитания.

Педагог, который был классным руководителем самых тяжелых классов, причем требовал такие классы себе сам.

Учитель, который чудесным образом мог изменять в лучшую сторону внутренний мир ребенка, даже самого трудного.

Автор «педагогике Пирятинского», которую трудно описать словами, но которая известна всем, кто у него учился и кто рядом с ним работал.

Человек железных принципов, с юности и до самой смерти. И, конечно, никогда и ничего – для себя, все – для своих учеников и товарищей.

Такой вот наш Януш Корчак».

Так написал о Юрии Брониславовиче Пирятинском один из отцов-основателей гимназии № 1505 и один из учредителей нашей премии – Михаил Владимирович Левит.

Юрий Брониславович прожил необычную по нынешним временам жизнь. Хотя бы потому, что

смыслом всей этой жизни была не семья, не работа и уж, тем более, не заработок, а служение тому делу, к которому он был призван судьбой, тем людям, которые его окружали на всем протяжении его несправедливо короткой, но

такой – на зависть многим – удивительно честно прожитой жизни.

Перечислим лишь некоторые ее вехи.

Он родился 22 ноября 1955 года в родильном доме имени Грауэрмана на Арбате. Там же – в самом центре Москвы – прошло его озорное детство. В 1973 году окончил среднюю школу № 446, что находилась за бывшим Дворцом культуры МЭЛЗ на площади Журавлева, в 1977-м – филологический факультет Московского областного пединститута имени Н. К. Крупской. Тогда он уже переехал на Большую Черкизовскую – в дом напротив стадиона «Локомотив».

Впервые порог нашего красного здания двадцатипятилетний выпускник педвуза Пирятинский переступил 15 августа 1977 года. Последний раз он ушел из него спустя тридцать пять лет, в июне 2012-го...

Впрочем, летом 1978 года тогда еще Юра, который только-только еще привыкал к «Юрию Брониславовичу», на полтора года вынужден был прервать столь ярко начавшийся процесс школьного служения, чтобы послужить в рядах Советской армии. Благодаря армии Пирятинский впервые оказался за границей – после «учебки», которая была под Иркутском, он попал служить в Монголию. А сразу после армии – в ноябре 1979-го – Юрий Брониславович вернулся в школу на 2-й Пугачевской, чтобы проработать в ней всю свою оставшуюся жизнь. Ему чуть было не сделали карьеру: в 1986 году Пирятинского наградили орденом Трудовой Славы III степени и даже приняли в партию. Но он не стремился к карьерному росту.

Менялась страна. Менялись дети, которых он учил. Менялись названия его должностей: учитель русского языка и литературы, классный руководитель, организатор внешкольной и внеклассной воспитательной работы, завуч, ночной сторож (и все это без отрыва от основной – учительской деятельности), куратор, педагог дополнительного образования, снова учитель русского языка.

Менялись названия учебного заведения, в котором он служил: средняя школа № 388, школа-гимназия № 388, МГПГ, МГПГ-Л, просто гимназия № 1505, потом – ГОУ, ГБОУ гимназия № 1505 (до переименования гимназии обратно в школу он не дождался). Менялся и он – от строгого мальчишки-учителя (в двадцать с небольшим, конечно, мальчишка!) до всеми уважаемого мэтра, и к чести своей, и к своей беде сумевшего все свои собственные разудалому мальчишеству черты...

Его не стало почти семь лет назад, 25 декабря 2012 года...

Юрия Брониславовича очень многие любили и теперь уже точно не разлюбят никогда. Но были и те, кто считал его слишком громким, слишком острыми слишком авторитарным. Не всем нравились его шутки и манера поведения. Что

ж: Пирятинский – Пиря, как часто звали его за глаза, – никогда не стремился всем нравиться. Он был самим собой и именно поэтому сумел оставить о себе неравнодушную память.

Пирятинский был человеком широкой души, центром огромного коллектива – учительского и ученического, человеком с потрясающим чувством юмора,

с удивительным чувством собственного достоинства. У каждого в памяти остались его подлинно крылатые фразы, его обаятельная улыбка, его стальной баритон, его смех до слез, его милые, удивительно смешные розыгрыши. Он умел дружить, он умел учить, он умел понимать.

Необыкновенный Человек. Удивительный Учитель. Настоящий Друг.

Создавая эту премию, мы хотели, чтобы па-

мять о Юрии Брониславовиче Пирятинском оставалась живой и созидающей. Чтобы те ценности, служению которым он посвятил свою жизнь – добра, порядочности, равнодушия, веры в человека, творчества, – продолжали оставаться с нами и дальше.

Мы очень надеемся, что это у нас всех получается...

О премии

В этом году, как и в прошлые годы, награждение лауреатов Общественной премии пройдет в два этапа: в День учителя, 4 октября, школа узнает имя лауреата в номинации «Русская словесность», а в конце ноября (поскольку день рождения Ю. Б. Пирятинского, 22 ноября, вновь приходится на каникулы) – лауреата в номинации «Человеческое измерение».

ПО ФОРМУЛЕ «15+05»

Это будет уже седьмое в истории красного здания вручение Пирятинской премии.

Нам отрадно, что Пирятинская премия — это живой процесс. Два года назад мы немного скорректировали регламент обсуждения кандидатур, выдвинутых в номинации «Человеческое измерение», пригласив к нему учительское сообщество. Таким образом, с прошлого года голосование по этой номинации мы проводим по формуле «15+05». Теперь

15 учредителей и 5 педагогов, работающих в старших классах (по нашей просьбе директор школы ежегодно делегирует в состав нашего «жюри» таких людей), принимают окончательное решение по поводу выбора лауреата.

В этом году мы решили применить формулу «15+05» и в голосовании в номинации «Русская словесность». Помимо 15 учредителей, теперь за тексты, выдвинутые в этой номинации, голосуют 5 лауреатов премии минувших лет. Нам кажется, что это нововведение позволит при голосовании учитывать и мнение вчерашних гимназистов, когда-то ставших лауреатами Пирятинской премии (причем в обеих номинациях), разделяющих вместе с нами ценности и принципы этой высшей школьной награды. А значит, наш выбор будет еще более взвешенным и весомым.

В прошлом году мы придумали процедуру предварительного отбора текстов, выдвинутых

на соискание премии, наделив рецензентов правом отклонять тексты, которые, по их мнению, «недотягивают» до уровня, соответствующего столь серьезному литературному конкурсу, и потому не заслуживают публикации в настоящем издании. Вводя эту норму, мы руководствовались, прежде всего, стремлением оградить премию от текстов, написанных только ради того, чтобы попасть на конкурс. Не будем скрывать: среди работ, номинированных в этом году, были и такие, которые не вполне устроили наших уважаемых рецензентов, некоторые тексты они предлагали снять с конкурса. Однако в обновленном регламенте предусмотрена еще одна норма: каждый учредитель премии вправе вернуть в конкурс отклоненную рецензентами работу, но только одну. В этом году несколько учредителей воспользовались этим правом, и поэтому авторы всех номинированных на премию текстов получили возможность побороться за звание лауреата.

Скажем честно: с каждым годом нам, учредителям премии, все

труднее выбирать из представленных произведений и из номинированных ребят. Вот уже который год сразу несколько достойных работ претендуют на то, чтобы быть отмеченными. И до последнего момента непонятно, чей текст наберет больше голосов. Кроме того, на соискание премии все чаще выдвигают тексты, созданные в разных жанрах, это и стихи, это и проза. Причем весьма и весьма хорошие стихи и вполне зрелая проза, а в этом году среди номинированных текстов – впервые – оказалась пьеса. Так что нам приходится нелегко. Но мы рады, что нам есть из чего и из кого выбрать.

КАК «ИЗМЕРИТЬ ЧЕЛОВЕКА»?

Каждый раз перед награждением лауреатов учредители публикуют тексты, выдвинутые на премию в номинации «Русская словесность», но не объявляют имена тех, кто выдвинут на соискание премии в номинации «Человеческое измерение». Нас часто спрашивают почему?

Обсуждая кандидатов в номинации «Человеческое измерение», мы каждый раз убеждаемся в том, что у нас в школе учатся очень много замечательных людей. Но поскольку по Уставу Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского в каждой номинации мы можем избрать лауреатом только одного человека, обнаружение имен тех, чьи кандидатуры не набрали нужного числа голосов, мы считаем просто неэтичным. Поэтому мы договорились, что в номинации «Человеческое измерение» называем лишь имя выбранного нами лауреата. При этом проигравших здесь нет и быть не может: раз школа выдвинула этих ребят, значит, это достойные люди. Именно поэтому с этой номинацией у нас, как в швейцарском банке, «полная тайна вкладов».

Это сделано сознательно, об этом мы договорились сразу, когда

только начали создавать премию. Ведь «Человеческое измерение» – тема весьма деликатная. Действительно, как «измерить человека»? Мы понимали, что каждый раз это будет очень трудная задача. И каждый раз будут те, кто согласится с нашим выбором, но будут и те, кто останется недоволен.

Мы уважаем чужое мнение, но при этом имеем и свое. Премия имени Юрия Bronislavovicha Пирятинского – общественная. Ее учредители имеют непосредственное отношение к гимназии (либо учились, либо работают в ней, либо и учились, и работают), но, голосуя, они выражают свою личную позицию. Поэтому мы, с одной стороны, отдаем себе отчет в том, что при выборе лауреата в этой номинации невозможно требовать от кого бы то ни было стопроцентного «объективизма». А с другой – берем на себя ответственность за то, что наш жизненный опыт, наше знание гимназического сообщества и традиций школы являются достаточной гарантией того, что из предложенных самой гимназией претендентов мы выберем самого достойного. В конце концов, мы отвечаем за свой выбор собственной репутацией...

ПРОЦЕДУРА ВЫДВИЖЕНИЯ

Еще раз напомним, кто и как может быть выдвинут на соискание Пирятинской премии. Речь идет об учащихся 9–11 классов – тех, кто учится (или будет учиться) в этих классах по состоянию на 1 сентября того года, за который вручается премия. Технически процедура выдвижения очень проста.

«Русская словесность». Если вы пишете стихи или прозу, просто отберите из написанного вами то, что вам самим нравится. Если вы не уверены в своем выборе, обратитесь к учителям словесности – они вам помогут. Выдвинуть текст

можете и вы сами, и поклонники вашего творчества – ваши учителя или одноклассники. Только не забудьте проверить тексты на наличие в них орфографических и пунктуационных ошибок – все-таки номинация называется «Русская словесность». Выдвижение завершается 15 сентября.

«Человеческое измерение». В этой номинации самовыдвижение по понятным причинам невозможно. Номинировать человека на премию могут его товарищи, его учителя, сами учредители премии. Присылая на указанные адреса имя этого человека, нужно кратко пояснить, почему именно он достоин стать лауреатом премии имени Ю. Б. Пирятинского. Выдвижение завершается 1 ноября.

Все материалы присылайте по почте либо на личный адрес координатора премии Владимира Николаевича Рудакова (ps-rudakov@yandex.ru), либо на адрес премии (premia-1505@yandex.ru).

Напомним также, что лауреатом можно стать только один раз за все время обучения в школе. И в каждой номинации каждый год мы выбираем только одного лауреата. Лауреаты получают символы премии (серебряный знак, красный кирпич авторской работы с монограммой «ЮБ» и символический ключ от школы). Кроме того, мы оплачиваем каждому из лауреатов стоимость поездки в рамках гимназических выездов (поход, Волга, путешествие с классом в другой город и пр. – на усмотрение лауреата).

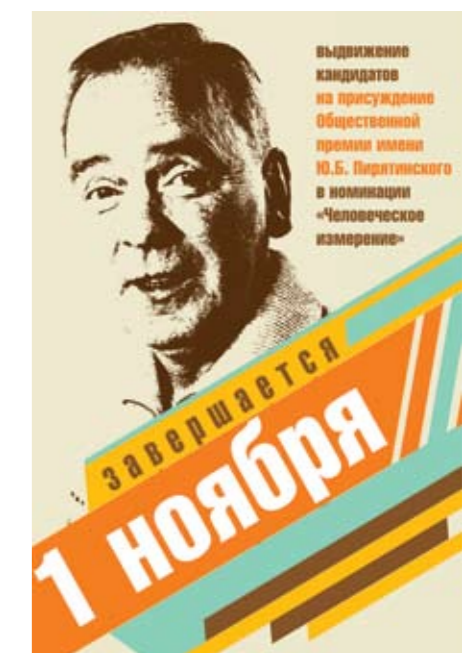
Мы желаем вам удачи и интересного чтения!

Учредители премии

ДИНАМИКА ВЫДВИЖЕНИЯ НА ПРЕМИЮ ПО ГОДАМ (чел.)

Премия	«Русская словесность»	«Человеческое измерение»
I (май 2014)	8	1
II (октябрь 2014)	7	2
III (2015)	11	3
IV (2016)	9	3
V (2017)	14	5
VI (2018)	18	9
VII (2019)	16	..*
Итого по номинациям	83	24
Всего гимназистов	107	

* Выдвижение завершится 1 ноября 2019 года.

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»: ТЕКСТЫ ГИМНАЗИСТОВ

Белла Айзенберг,
9 «Б»

Тоска

Эти ноты,
Эти звуки,
Эти чистые поэмы,
Как устали эти руки
Рисовать твои портреты!
Расставаться и встречаться,
Оставаться для тебя,
Как же рвутся вдалеку
Эти громкие слова!

Тобой живущая

Не говори никогда,
Что я тебе не нужна,
Что мои пальцы твоим не слуги.
Не говори никогда,
Что моя жизнь, как вода,
Бежит, лишь теряя струйки.

Мечта

Я б хотела идти с тобою рядом,
Пересекаться украдкой взглядом,
Улыбаться звездам, хохотать.
Я б хотела ночами стихи сочинять,
Тебе их оставлять,
Вместе песни петь.
Я мечтаю еще раз с тобой повстречаться,
Чтобы с тобой опять пообщаться,
Опять...

Какой ты?

Я влюбилась в тебя опять,
Сердце снова не спит по ночам,
Мне бы только разок увидеть,
Как ты милым внимаешь речам.
Что рождает в твоей душе счастье,
Что печалит ненастной порой,
Что ты ценишь, куда устремляешь
Добрый взгляд вдоль тропинки ночной.

По-прежнему

И успокоила вьюгой зима,
Все люди уснули, поют лишь снега.
Ты тихо ложишься в кровать,
А я на окне новый год рисовать.
Кружусь по комнате!
Вы же вальс помните!
Взлетаю ввысь.
Вот годы пронеслись,
Но по сей день
Сидит припорошенной у окна ель
И ласково вьюга метет за окном,
Стараясь оставить нас только вдвоем.

Если

Если время беспечно
Пробежит вокруг тебя
И оставит навечно
Умирать у огня,
Ты возрадуйся небу,
И возрадуйся мгле,
И ищи смысл по следу,
Что оставлен тебе
Отуманенным взглядом
В теплом, огненном сне,
Мягкой, влажной рукою
На усталой щеке...

Анастасия Алешина,
11 «Б»

Про стихи

Темной улицей, если таковые остались в Москве, не торопясь и дребезжа, ехал трамвай. Еще тот, старый, с высокими ступенями и одним порывистым турникетом, с характерным запахом резины и обивки кресел. Именно он ударил в нос Анечке, когда она зашла. Огляделась: обычная публика трамвая, ничего примечательного; высчитав распределение народа по трамваю (треть сидячих мест свободна), разместились у окна около второго выхода. Кошелек увесистым камнем упал в карман пальто, заняв место телефона. Белый треугольник нажатием превратился в две полоски, и шум трамвая заглушился звуками электрогитары.

«Нет. Все. Не хочу».

Белые капельки выпали из ушей; в руках очутилась книга. Стихи.

«В мире столько всяческого зла... никогда не рано и не поздно!... фу». Во рту образовался тошнотворный вкус переслащенной микстуры. Взгляд перескочил на другое стихотворение. «Ну, хотя бы как аргумент можно использовать».

Напротив сел старичок, он тоже что-то бормотал. «Глаза какие воспаленные... а красиво: подслеповатые, с потрескавшимися сосудиками, они явно смотрят не сюда. На «Толстого в кресле» похоже».

– Здравствуй. Что, читаешь?

«Заговорил... нет, не стоит...» – промелькнула мысль, но как-то само вырвалось:

– Да, стихи.

– И сама небось пишешь?

¹ В мире столько всяческого зла, значит, надо помнить постоянно: никогда не поздно и не рано совершать хорошие дела. И чтоб сердцу не было морозно, сколько бы ты бед ни натворил – никогда не рано и не поздно повиниться честно и серьезно в зло, что ты когда-то совершил. Эдуард Асадов

«Пишу, только...» – и вспомнились слова учителя про хромые рифмы и гадкое название «белые стихи».

– Нет, только читаю.

– А зря! Надо, надо писать, всем надо писать.

Анечке стало неловко. В кислото-желтую муть мешались жалость, умиление, какой-то пока беспричинный стыд и страх, что этот разговор слишком далеко зайдет. Она уткнулась в книгу, уже не видя букв.

– А я поэт! («Зовусь я Цветик». Уголки губ Анечки предательски вздрогнули.) Я изобрел новые стихи. Чтобы они лучше складывались, я забил слова в матрицу. Я по образованию математик. Знаешь, что такое матрица? (Кивок. Улыбка уже растянулась весьма законно.) Я обозначил слоги и ударения за единицы и двойки. Если сумма больше 10 – рифмуется, меньше – не рифмуется.

– И что же? Хорошие стихи получаются? (Улыбка приобрела оттенок снисходительности.)

– Хорошие! Сейчас прочитаю!

Старик облизнул губы, откашлялся, на острых скулах появился румянец, глаза увлажнились еще больше. И он начал читать свои стихи. «Руки тонкие к небу вознесит...» Громыканье колес. «Но когда достигает предела...» Чей-то крик в автобусе. Как ни старалась Анечка расслышать, что читал старик, как ни старался дедушка говорить громко и четко, звуки его голоса, стук колес и прочий уличный шум сливались в единое целое, разъединить которое на элементы было невозможно. Анечка уже не вслушивалась. Чем больше поэт говорил, тем более влажными становились его глаза и тем сложнее было понимать, что он говорит. За одним стихотворением последовало другое, уже про сумасшедший дом. «Хм, попахивает Высоцким. А стихи хорошие, широкий русский... впрочем, хорей с мужскими окончаниями...» Старые, излохотанные морщинами щеки то надувались, то вытягивались вслед за острым подбородком. «Сама картинка красивая: поэт-математик, состарившись, от одиночества заговаривает с прохожими в трамвае. Красиво... и грустно...»

стихотворением последовало другое, уже про сумасшедший дом. «Хм, попахивает Высоцким. А стихи хорошие, широкий русский... впрочем, хорей с мужскими окончаниями...» Старые, излохотанные морщинами щеки то надувались, то вытягивались вслед за острым подбородком. «Сама картинка красивая: поэт-математик, состарившись, от одиночества заговаривает с прохожими в трамвае. Красиво... и грустно...»

– Вот такие стихи. Хорошо, да? А это я посвятил моей матери: женщины той осторожная тень в...

Он закашлялся. Худые плечи обвалились на спинку сиденья. Под жиденькими волосами заблестели капельки пота. Поэт посмотрел на слушательницу. «Какой детский, словно виноватый взгляд! Красиво, очень красиво... стыдливость, рожденная одиночеством... а его действительно мало слушают».

– Отдохните, у вас очень хорошие стихи, а их надо читать медленно. Так?

– Да. Именно так! Нравятся? Нравятся стихи? «Боже, да он задохнется... какая красивая и убогая – и красивая в своем убожестве – старческая радость...»

– Нравятся.

– Вот моей матери тоже нравились. Она такая была... Что? А когда мне выходить? Скоро улица М...?

– Это следующая. Мне там же.

Анечка уже стояла, когда почувствовала на плече мертвую хватку старческой ладони. Быстрым движением проверила карман.

Они пошли под руку: мешковатый старый коричневый пиджак, неловко спадающий с худых плеч, и бежевое легкое пальто, удачно подпоясанное на талии. Так видела это Аня. И собственную твердую поступь, и его

мелкие, неуверенные шаги, и красоту ситуации в целом – все она наблюдала со стороны; щелка, запустилась киноплёнка памяти – все записывалось. «Тревога и грусть, как снежный ком, нарастали с каждым шагом». Мягкая рука Ани одернула карманы пальто. «Как крепко он прижимается ко мне, до боли... А вдруг я для него и есть та жизнь?» – невольно она оглядела поэта. «Какая у него кисть: сморщенная, с коричневыми пятнышками на сероватой коже. Страшно». Поэт снова начал читать стихи. В уличной тишине голос, ослабевший почти до шепота, был едва различим. «Слова дрожали, как его худые колени, губы кривились и оголяли пустые десны, звуки сливались в нечто нечленораздельное, похожее на шипение». Пальцы девочки нервно прошлись по карману.

– Впрочем, мне в другую сторону.

«Плохо так делать. Следует проводить его до дома.

Однако так лучше...»

– Что ж... прощай. Дай я тебя поцелую.

Ане не хотелось, стало совсем страшно и неловко, но и отказаться казалось невозможным. Сухие тонкие губы

прижались к мягкой напудренной щеке. Ей стало мерзко, тошнотворно мерзко и стыдно за это омерзение. «А со стороны, впрочем, красиво».

– Хорошо, хорошо.

Она высвободила свою руку из его, которая стала напоминать клешню.

– До свидания.

– Прощай...

Аня развернулась, уверенным шагом пошла в сторону, противоположную ее дому. Оглянулась. «Худые плечи, обливаемые желтым жиденьким светом фонаря, удалялись, покачиваясь и дрожа. Голова упала на грудь, ноги в коричневых стоптанных туфлях вяло шаркали».

Рука снова одернула карман. «Хух, кошелек на месте». С третьего раза преступная мысль, до того неосознаваемая, была поймана. «Фу, противно. Бедный, милый старичок... математик-поэт. (Невольная улыбка.) Может, такие встречи единственная его радость... а я... кошелек! Отвратительно! Впрочем, про это выйдет неплохое стихотворение».

жадно глотающие воду из луж с подгнившей алычой. Я никогда не видел подобной картины. Реальность смешалась в одну темно-зеленую тугую массу. В глазах все плыло.

После первого впечатления тяжело было быть беспристрастным, но, тем не менее, во время прогулки по городу больше всего поразило состояние школ и детских садов. Низкие, блеклые, огороженные безобразными заборами, отвратительные инкубаторы. Какую успеваемость, креативность, амбициозность требуют родители и учителя, когда их чада и ученики каждый день посещают места, больше напоминающие скотобойню? Дети – будущее, а состояние образовательных учреждений – отношение местных властей к будущему.

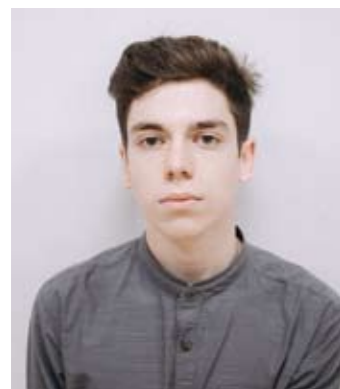
Честно говоря, мне казалась выдуманной та реальность, о которой все твердит оппозиция. Но на этот раз я все видел своими глазами. Мифическими существами для меня были люди, работающие круглые сутки только для того, чтобы прокормить семью, и принимающие бубнеж телевизионного диктора об изобильном будущем за чистую монету, и главное – дети, брошенные и не понятые своими родителями, тем самым оставленные на растерзание окружающей действительности.

Они не верят в будущее и не знают о прошлом, а взрослые не обременяют свою жизнь мыслями об улучшении настоящего. В таких условиях тяжело обрести надежду.

Это мой визит в Пятигорск. Этот город навсегда связан с такими великими именами, как Толстой, Белинский, Ермолов и, конечно, Лермонтов, но то ли время извратило Пятигорск, то ли это близорукость правительства. Я не знаю. Но мне страшно даже думать о том, в каком состоянии находятся ныне регионы с не такой яркой историей и не таким уникальным географическим расположением. Если ни во что не ставятся города с таким потенциалом, как Пятигорск, то можно задаться вопросом: а уважает ли наше правительство свою страну? Ценит ли его? Дорожит ли им?

Децентрализованная Россия – лишь мечта, как минимум, до тех пор, пока мы не научимся видеть ценность в том, что имеем. И если раньше приходилось этому просто учиться, то завтра за это надо будет уже по-настоящему бороться.

Децентрализованная Россия – лишь мечта, как минимум, до тех пор, пока мы не научимся видеть ценность в том, что имеем. И если раньше приходилось этому просто учиться, то завтра за это надо будет уже по-настоящему бороться.

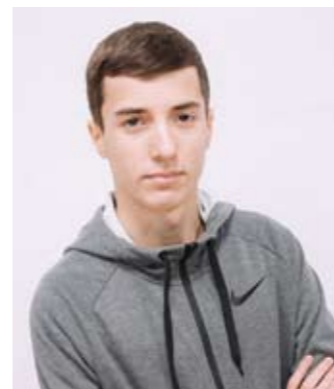
Давид Арустамьян, 10 «А»

Соты

*Времена не выбирают,
в них живут и умирают.*
А. С. Купер, 1978 г.

Летом 2019 года мне нужно было совершить поездку в мой родной город, «жемчужину юга России», Пятигорск для решения некоторых юридических вопросов. Я не знал, чего ждать от этого города. В регионах нашей необъятной страны я не бывал, а конкретно в Пятигорске появлялся последний раз в свои 7 лет на крайне малый срок. Поэтому я практически ничего не знал о сегодняшней жизни города и его граждан. Мне захотелось сделать эту поездку своеобразным исследованием. Интересно было узнать, как отличается столичная жизнь от жизни маленького курортного городка.

И я словно попал в другой мир: невысокие битые дома, заросшие мхом, заржавевшие подъездные двери, у которых стоят разбитые вдребезги скамьи, кривые волнообразные дороги, изувеченные дворовые животные,

Сергей Ахакин, 9 «А»

OBLIVION

Данная история написана со слов господина Д. Б.

Когда один мой хороший знакомый попросил меня рассказать свою историю, я далеко не сразу дал свое согласие. Со временем я все же принял его предложение. Но дело было вовсе не в том, что мое мнение относительно произошедших событий изменилось.

Просто я понял, что данный рассказ может пойти на пользу людям. Он заставит их задуматься, насколько далеко они готовы зайти ради воплощения своих желаний. Итак, не буду мучать вас ожиданием – начнем.

Меня зовут Джозу Бернар. Я родился в семье аптекаря, в небольшом городке во Франции, во второй половине позапрошлого века.

В силу того, что родители мои являлись людьми образованными, я с детства был обучен чтению и грамоте, умел считать и знал лекарственные растения, которые можно использовать при простуде и других не очень серьезных заболеваниях.

Однако, несмотря на всю мою начитанность и обширные (как мне казалось во время моего детства) познания, а может быть, и благодаря им, я увлекался всем сверхъестественным.

Истории о призраках, вампирах, ведьмах, оборотнях и других необъяснимых созданиях будоражили мое воображение, и я мечтал сам попасть в подобную историю.

Разумеется, когда в 12 лет от сверстников я услышал о том, что в соседнем городке, в заброшенной часовне, поселилось приведение, никакие силы не могли удержать меня дома.

Собрав все предусмотрительно отложенные на будущее карманные деньги, которые у меня были, я оставил в своей комнате письмо о том, что собираюсь отлучиться на сутки и вскоре вернусь, захватил с собой немного еды и попросился в попутный дилижанс.

К вечеру я уже был на месте. Подкрепившись, я присел на камень около часовни и стал ждать захода солнца (во всех историях о таинственном обитателе часовни он появлялся после заката).

Я нетерпеливо ждал наступления ночи, и, как бывает в таких случаях, минуты казались мне часами. Наконец солнце село.

Какое-то время все оставалось по-прежнему, я уже начал думать, что истории были ложью, как вдруг сквозь каменную стену прошел призрак.

Он очертаниями напоминал человека, но тело и наряд его были бледны и лишены красок. Привидение не шло, а парило над землей, его одежда развевалась, хотя вокруг было спокойно и безветренно.

Как очарованный, я наблюдал за этим существом. Вдруг оно резко повернулось ко мне и в считанные секунды оказалось совсем рядом.

Лицо, напоминавшее обтянутый кожей череп, было прямо передо мной. Темные глаза, полные боли, отчаяния и ненависти, смотрели в мои.

А затем призрак развел своими бесплотными руками и неожиданно схватил меня за голову костлявыми пальцами.

Я вырвался и бросился бежать. Я бежал долго, не оглядываясь. Не помню, как я добрался до дома, но потом мне говорили, что я был весь в поту, тело мое было объято жаром, и я бредил.

Следующие дни я провел в постели. Мне снились странные, страшные сны, в которых мир вокруг рушился и гнил, а за мной охотились призраки. Они смеялись, издеваясь над моими страданиями.

Отец пытался помочь мне. Безрезультатно. Даже старания городского врача оказались напрасны. Многие начали думать, что я обречен.

Помню, как-то сквозь тревожный сон я услышал разговор матери с братом. Она говорила, что нужно отвезти меня в город, в больницу.

Однажды, когда я очнулся, я почувствовал себя лучше. Голова слегка кружилась, но не раскалывалась, а перед глазами не носились смеющиеся призраки.

У изножья сидел незнакомый мне человек, за его спиной стояли мои родители и брат.

Впервые за долгое время я смог найти в себе силы, чтобы заговорить.

Я спросил, что со мной и как давно. Незнакомец лишь покачал головой, а потом заговорил.

– Ты болен, Джозу, и твоя болезнь не похожа на обычную, так как сбивающие жар средства и даже сильные лекарства не могут тебе помочь. Не в моих силах исцелить твой недуг, но я могу сказать тебе, как ты можешь спастись. Скажи мне, Джозу, ты хочешь жить?

Я не понял, зачем он меня об этом спрашивает. Очевидно было, что я не хотел умирать. Я кивнул.

– Ты готов бороться, чтобы жить? Готов делать все, что будет в твоих силах, чтобы выжить?

– Да, – сказал я довольно громко.

– Хорошо, – кивнул незнакомец. Он повернулся к моим родственникам и попросил их покинуть комнату. Они засомневались, но я сказал, что все в порядке, и они ушли.

Тогда незнакомец снова обратился ко мне.

– Дай руку, – приказал он. Я подчинился, хотя это и потребовало усилия воли – я все еще был слаб.

Он взял нож и начал вырезать что-то на моей ладони, я ощутил боль и хотел вырваться, но он крепко сжал мою руку и сказал:

– Терпи. Терпение – величайшая добродетель.

И я терпел. Когда он закончил, то заговорил:

– Тебя коснулся призрак. Он наслал на тебя призрачную болезнь. Если бы не я, ты бы скоро умер и превратился в такое же, как он, слабое, злое на весь мир существо, ничтожную тень человека, одержимую жаждой мести живым или сходящую с ума от тоски по прежней жизни. Но я подарил тебе второй шанс. Знак на твоей руке – это метка. Метка Пожирателя Душ. С ее помощью ты сможешь жить. Жить так долго, как захочешь, возможно, даже вечно. Ты не будешь страдать из-за болезни и станешь гораздо сильнее. Но у всего есть своя цена. Впервые, ты должен будешь убивать. Высасывать души людей из их тел, распылять их жизнями за свою. Я покажу тебе, как это делать. И во-вторых, ты станешь моим должником.

– Что... Что я буду вам должен? – спросил я.

Незнакомец рассмеялся.

– Я приду к тебе через девять лет, – сказал он. – Вот тогда и сочтемся. Итак, мы договорились?

Мне не нравилось все происходящее, но, похоже, выбора у меня не было. Если слова незнакомца – правда, то в больнице доктора не смогут помочь мне. Я кивнул.

Незнакомец улыбнулся, и на секунду мне показалось, что его глаза застелила красная пелена.

Он накрыл мою руку, на которой до этого вырезал что-то ножом, своей, и я ощутил прилив сил. Болезнь отступила, и я почувствовал себя так, как будто заново родился.

Незнакомец отпустил меня, и я встал с кровати.

– Как...

Я взглянул на руку и увидел там печать. Метку Пожирателя Душ. Она напоминала закрытую пасть сытого чудовища.

– Идем, – сказал незнакомец. – Мне нужно спешить. Я научу тебя извлекать души из тел, а потом оставлю.

И он сдержал слово. Я действительно научился пожирать души. Это было просто. Все, что мне требовалось, – направить метку в сторону человеческого лица и сосредоточиться. Тогда пасть на моей ладони открывалась, и душа жертвы сама летела ко мне.

Должен сказать, что я не хотел этого. Не хотел убивать. Я понимал, что человеческая жизнь бесценна. Что дни, которые мы проживаем на земле, – это, возможно, все, что у нас есть, и отнимать их – значит обречать человека на... На неизвестность, ведь никто не знает, что находится там, по ту сторону (так я думал тогда). Я осознавал, что уничтожаю других, строю свою жизнь на чужой смерти, но... ..Возможно, вы сочтете меня слабым, но, выбирая между собой и другими, я снова и снова выбирал себя. Я старался убивать преступников. Убеждал себя, что они заслуживают смерти и забвения, но на деле... На деле единственным, кто действительно заслужил забвения, был я.

25 июля 2019 года.

Анастасия Баранова, 10 «А»

Кофе, рассветы и закаты

Я от души сыпанула тростниковый сахар в кофейную чашечку. Прямо из пакета. Зачем ложки, когда есть более простой путь с красивым и экзотическим иностранным названием «сча как-нить на глазок»? Долила последние сливки, грустно подумала, что теперь придется тащить в магазин, и скомкала пакет, отправив его в мусорку. Потом вынесу.

Сладкий кофе со сливками, тростниковым сахаром и нотками шоколада. «Ореховый брауни. Купаж 50% арабики и 50% робусты. Средняя обжарка», как гласила надпись на этикетке с логотипом магазина «Кантата». В пакете оставалось еще достаточно зерен, чтобы протянуть недели три, а то и четыре. А вот за сливками идти придется. Черт, так лень...

Я вздохнула, втянула носом аромат лучшего в мире напитка (во всяком случае, сейчас я считала именно так, а за мои мысли через полчаса ответственности не несу. Вообще никакой. Тараканов спрашивайте). Выпила содержимое чашки, отплевалась от гущи, осевшей на дне, снова вздохнула и пошла к гардеробу. Без сливок кофе не кофе. Сахар еще долго не кончится, уже хорошо. А сливок куплю пачки три. Или четыре. Только бы денег хватило.

Нет, я не работаю. Мне через месяц шестнадцать, какая работа? «Учись, учись и еще раз учись», как любит повторять мама. Благо они вместе с папой и сестрой сейчас на даче, так что три свободных дня у меня есть. Можно помечтать о взрослой жизни с кошкой и ветром одиночества в мозгах. И с капелькой счастья. Куда без него. Я слишком оптимистичная особа, чтобы грустить из-за того, что дома меня ждет только кот, а не муж и трое детей. Зачем мне муж и дети, я сама себе и мужик, и баба, и ребенок. Но кошка нужна. Я сама себя гладить и за ухом чесать уже задолбалась. Вот серьезно.

Воткнув в уши наушники и обувшись, я вышла на лестничную площадку, закрыла дверь, сунула ключи в карман и там же оставила руку. Лень. Все лень. Капец. Вроде прикольные ощущения, а вроде что-то как будто не так. Или так и должно быть у сопливой девчонки в почти шестнадцать лет? Не знаю. И спрашивать ни у кого не хочу – ну их всех. Откроешь им щелочку, а они рванут за ручку двери – и вся душа нараспашку. И сквозняк. И холод. Знаем, плавали как-то с бывшей подружкой в третьем классе. Мои секреты потом вся школа обсуждала. Было обидно и неприятно. И осадок мерзкий. Осел в душе, и никак его оттуда не смыть. Ненавижу.

В магазине была очередь из трех человек. Отлично, хоть долго стоять не придется. А то у меня кофе остынет. Не выливать же его потом – пить придется. Остывший кофе похож по вкусу на тот осадок в душе – такой же противный и рот вяжет.

– Здравствуйте, – устало обратилась ко мне продавщица. Я кивнула, посмотрела на табло и протянула пятьсот рублей, мысленно подсчитывая, сколько у меня теперь осталось.

– До свидания, – булькнула я, не глядя на девушку у кассы. Кажется, та мне кивнула. Тоже не глядя. Серый город. Столица, великая Россия, то, се. Тьфу, достало. Хочу с котом на берег океана. Или хотя бы на Черное море. Да хоть на Каспийское. Только отсюда подальше. И чтоб людей поменьше. Маленький домик, кошка, утренний кофе и закаты. Всегда разные. Когда я в прошлые выходные все же умудрилась уехать с семьей на дачу (хотя не особо хотела этого. Оно само. Или не оно, а они – тараканы, чтоб им там икалось в голове), то, пользуясь летом и возможностью в семь утра ложиться, а не вставать, встречала каждый рассвет и закат на поле за деревней. От родителей, правда, попадало, потому что сбегала я, конечно

же, через окно, я не ищу легких путей, потому что мне лень их искать. Зато один рассвет был цвета розового золота, а другой огненный. И в первом не было малиновой полоски над самым горизонтом. Слово далекая волна в море. А у второго облаков было куда меньше, и они отливали багрянцем, а не сливовым. Волшебное зрелище.

В городе рассветы и закаты я встречаю и провожаю исключительно из окон квартиры. Учтивая то, что выходят они на запад, рассвет я определяю, перегнувшись с балкона

и рассматривая отражение солнца в окнах соседней многоэтажки. Не помню, сколько там этажей, шестнадцать, что ли? А закат мне виден только до восьми вечера летом, например, потом светило прячется за крышу дома напротив – большой коробки из серого кирпича, и дальше только наблюдать изумительных цветов небо – розовое, золотое, бледно-голубое, черно-синее. И месяц. Или луну. Когда видна, опять же, из наших окон. Ненавижу расположение квартиры. Хочу себе ключ от крыши. И чтоб каждый закат или рассвет там сидеть. И смотреть, укутавшись в плед и включив тихую музыку на телефоне, на невероятное небо...

Генрих Бартельс, 11 «И»

Вся история человеческого прогресса, начинающаяся с самого момента его зарождения и уходящая в далекое будущее, представляет собой огромного змея, свернувшегося кольцом, настолько огромного, что он не видит собственного хвоста и, думая, что ползет вперед, неустанно догоняет свой хвост, и наконец, когда-нибудь догнав, он от злости его поглотит.

ГЕНРИ. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ БУДУЩЕГО

Шел дождь. Проливной дождь. Было зябко, сыро, промозгло. Казалось, сейчас не самое лучшее время сидеть на влажном от дождя парапете высотного дома. Какой же дурак вместо медленного прихлебывания горячего чая в своем уютном современном жилище предпочтет сидеть на холодном и сыром бетоне под проливным дождем? Генри, мой Генри, неужели этот дурак и в самом деле ты? Нет, я уверен, тут дело в чем-то другом...

Ах да, помнится, сегодня нам читали лекцию по истории мировых цивилизаций, 2020 год, кажется. И вот 10 часов вечера, а Генри сидит на парапете, погруженный в думу, вспоминая живую речь лектора, которого сразу после лекции полицейский робот увез в участок за чрезмерно лестные высказывания в адрес правящего режима прошлого. Действительно, это же сильно встревожит умы современной и инновационной молодежи! «Что же такого плохого сказал лектор? Неужели его арестовали лишь за то, что он рассказывал нам про жизнь наших сограждан как о самой счастливой и беспечной поре во всей истории человечества?» – размышлял потрясенный этим событием Генри, совсем не замечая, как по горбинке носа струей стекала вода, падающая с нависшей над парапетом бетонной консоли верхнего этажа.

Вот по его лицу скользнул единственный в этой сине-зеленой туманной мгле луч яркого прожектора,

то был башенный кран-робот, который без сна и покоя вздымал вверх серые, тусклые громады домов. «Еще одна громадина. В нижние этажи нашего дома уже никогда не проникнет солнечный свет, а в верхних, как всегда, располагаются богатые владельцы и совладельцы корпораций, а также их весьма приземленные семьи. Они же так любят смотреть на чернь свысока, – про себя говорил Генри, его зубы скрежетали от пробирающей до костей мерзлоты и сырости. – Нам обещали абсолютное равенство, братство. Да черта с два! Равенство и братство просуществовало лишь несколько лет, пока крупные компании не стали объединяться в огромные корпорации, становясь трестами и монополиями, сжирающими все и давящими всех, кто с ними был не согласен, рассортировывая простеньких людишек на выполнение самой скудной и монотонной работенки. Так снова, как и в Средние века, вылезла чернь. А правительство? А правительство, осознав, что ничего не сможет предпринять перед угрозой быть раздавленным, стало маленькой тяжкой, способной лишь арестовывать до сажать простых лекторов, чье мнение расходится с мнением инновационного и современного общества. Черт! Черт! Черт! Фармакологические компании нам, кажется, обещали вечную жизнь без боли и страдания... А зачем тогда будут нужны лекарства? Нет, они не выроят сами себе могилу, ведь можно вырыть могилу нам... А зачем рыть? Последний писк моды – биокапсулы. И все останутся в плюсе: кто-то будет получать огромную прибыль, Земля избавится от угрозы перенаселения, а люди... а люди будут иметь надежду, что если выпьют эту чудную таблетку, то навсегда избавятся от боли и страданий. Не нужно больниц, операционные необходимы лишь для имплементирования механических частей в человека при отсутствии соответствующих органов или конечностей, а для всего остального нужна таблетка, лишь одна капсула...» – в потоке своих мыслей Генри абсолютно забылся. От мрачных и глубоких мыслей его пробудили не менее мрачные возгласы вышедших под проливной дождь бастующих людей, которые в связи со всеобщей роботизацией оказались без работы, многие даже без дома, корпорациям они были тоже не нужны. Как жаль, что они так и уйдут в сине-зеленую мглу, не дождавшись ответа, до следующего дня, ночи. И таких целые районы. Вот они: бедность, равенство и братство. Спустя три часа голоса стихли, и Генри снова погрузился в свои размышления: «Лектор нам рассказывал, что раньше у людей были дачи, загородные дома, огородики, хозяйства, где они хлопотали, это был тяжелый труд, но как жить без труда? Теперь ничего этого нет, города расползлись по земле, соединяя села, деревни, другие города и даже страны. Эти бетонные, стеклянные дома, выглядящие столь грациозно и воздушно, по мнению современных архитекторов. Действительно, это так разве что в ясный солнечный день, а случится ли он? Неужели эта сине-зеленая мгла когда-нибудь нас

отпустит? Он рассказывал, как раньше на кухоньках квартир собирались семьи, обсуждали что-то, в то время как на газу грелся чайник. А теперь вряд ли кого-то можно увидеть сидящим на кухне и рассказывающим семье разные истории. Сейчас члены семьи обыкновенно разбредаются по углам своего огромного бетонного

жилища, погружаясь в социальные сети, теперь у них нет хлопот – все делает система «умного дома». Человек воистину стал виртуальным: мы запутались в сетях, а маяком нам служат мерцающие огоньки роутера. Даже человеческие чувства стали виртуальными: виртуальная любовь, мнемонические сожаление, одобрение и восхищение. (Ох уж эти «лайки»!) Мы медленно становимся роботами, нет, мы ими уже стали, а началось это в этом далеком 2020 году. Есть ли все еще в этом современном информационном мире место для человека, маленькая, но живая ниша? Черт возьми, не знаю!»

Он еще раз свысока взглянул на мрачные городские дали, как вдруг его взгляд зацепился за вздымающийся вверх столб дыма. Было похоже, что что-то горело, но это был не дом и не завод, подобные струи черного едкого дыма обыкновенно вздымаются от упавших летательных аппаратов: не слишком больших, не слишком маленьких – ровно таких, в которых перемещались в место предварительного заключения преступники и все те, кто представлял угрозу обществу. Упал этот роботизированный автозак с нарядом полицейских роботов в столь глухом и грязном районе, что найти его смогли лишь спустя два часа после крушения. Когда власти приехали на место крушения, они увидели уже догорающий кузов, растекшиеся топливные и масляные круги на лужах и бомжа, комфортно расположившегося поодаль, который, казалось, потерял и зрение, и слух, а здравый смысл он потерял в тот час, когда его печень и сердце только начали загнивать, теперь же они представляли собой два отвратительных куска больной ткани, которые, конечно, никто не заменит, невзирая на то, что медицина готова перелопатить его с ног до головы, заменив большие органы новыми деталями. Других свидетелей не было. Прибывшая команда осмотрела все в мельчайших деталях, сделала правильный вывод о том, что это был спланированный побег, потопталась, постояла и поспешила скрыться из этой мерзкой дыры с мрачными

мыслями о сбежавшем политзаключенном: «Проклятые революционеры, все им что-то не нравится, ударить бы их хорошенько огромной дубиной, чтобы наконец пришли в себя от дурного сна о равенстве и справедливости!»

Бомжа не сочли необходимым спрашивать, видел ли он что-нибудь, но он все-таки кое-что видел. Видел, как автозак, пролетая у него над головой, вдруг резко снизился, видел, как в его двигатели запустили небольшую ракету, а через несколько секунд он упал; видел, как упавший автозак окружила группа людей, видел высокого человека в пальто с огромной шляпой, который стоял поодаль и внимательно смотрел на происходящее. Дверь взломали, вспышка от нескольких выстрелов на миг озарила мрак, оттуда вытащили тело, после чего человек в огромной шляпе подошел к изуродованной машине, достал какую-то бутылку, зажег ее и кинул внутрь автозак, вспышка пламени ослепила уже привыкшие к мраку глаза бомжа, как только зрение вернулось, он уже не увидел ни людей, ни машины – ничего.

Тело пронесли в заброшенный завод и оставили в главном цеху. Через полчаса человек очнулся, свет от прожекторов просачивался через верхние окна и наполовину освещал его фигуру. Это был тот самый лектор истории мировых цивилизаций, которого арестовали у Генри на глазах. Он медленно поднялся, оглянулся: отовсюду торчали провода, шланги, горели и мигали зеленые огоньки, иногда зеленые сменялись красными, тогда раздавался довольно противный звонкий писк, и снова загорались зеленые. Такое множество серверов в заброшенном здании, у которого в некоторых местах отсутствует даже крыша, представляло собой довольно странное зрелище. Лектор прошел чуть вперед, повернул между двумя громоздкими серверными стойками и очутился в небольшом помещении, в котором переплетения проводов и шлангов были столь плотны, что напоминали щупальца нескольких осьминогов, запутавшихся между собой. Посередине находилось возвышение, залитое светло-синим свечением, на котором можно было разглядеть силуэт человека высокого роста, в пальто и шляпе, в грубых кожаных ботинках, имеющих характерную военную форму, и тонких кожаных перчатках.

– Ну, здравствуй, братец, – начал великан, – ты оказался в том месте, которого все время избегал, подчеркивая свою непричастность, и вот ты стоишь у меня за спиной и недоумеваешь, как ты здесь оказался, что от тебя хотят, а самое главное, как же так получилось, что простого учителя истории скрутили, связали и бросили в тот же кузов, в котором обычно перевозят убийц и насильников?

– Может, лучше ты ответишь на этот вопрос, Лютер, Кельвин или как там еще тебя называют. Я простой учитель, читаю лекции и, как бы этот мир ни был плох, как-то в нем существую. Не знаю, как тебе, а мне очень хорошо известно, сколь ужасны кровавые революции, гражданские войны и что их результат весьма далек от ожиданий и идеалов, – ответил беспокойно лектор.

– В узком кругу я предпочитаю имя Альберт, – гигант обернулся, и из-под поляй шляпы выглянуло ухмыляющееся узкое гладковыбритое лицо с впалыми скулами, длинным, прямым, узким носом, глубоко посаженными глазами и высоким отвесным лбом, – теперь ты уже не простой учитель, нет: твоя мнимая простота закончилась, когда в зал въехал полицейский робот и электронным голосом зачитал твои права. Ты теперь, по мнению властей, – «ткач, создающий ткань нового порядка». Не валяй дурака, братец, через год, а может, через два создадут робота-лектора, и ты со своими бумажками никому не будешь нужен...

– Ах, Альберт, м-да... Знаешь, ты можешь делать что хочешь, а меня в это не впутывай, у меня семья, дочь... Ты всегда был эгоистом, Альберт, теперь ты сделался спасителем мира. Валяй! – лектор было хотел развернуться и уйти, но смутное беспокойство его остановило, не дав сделать и шагу.

– Дочь, семья, ученики... Да, может, я и эгоист, но именно тогда, когда мама была еще жива и вы с ней по вечерам обсуждали мою эгоистичную сволочную натуру, – Альберт снова ехидно улыбнулся, – я денно и ночно работал над тем, что спасет наше будущее, превратит закат в новый рассвет!

– Да ты прям новый Бог, черт тебя подери! И что же является плодом твоих творений, позволь узнать?

– Генри. Думаю тебе знакомо это имя, вернее кодовое название проекта.

– ГЕНРИ?! Что за чушь ты говоришь?! – вскрикнул лектор, нервно оглянулся, его зрачки расширились, взгляд падал то на Альберта, то на провода и красносиние мерцающие огоньки.

– Наша команда состояла из восьми человек. Талантливые ученые и программисты, только что окончившие институты. Все было в обстановке совершенной секретности. Те люди, которые поставили перед нами задачу создать первого в мире биоробота, способного чувствовать и мыслить, как человек, явно не понимали до конца, чего они хотят добиться, а когда наконец поняли, что мы создали машину, которая сотрет их с лица земли, они убили всех... всех, кроме меня. Просто зашли в лабораторию и расстреляли, уничтожив все наши труды...

– Как тебе удалось спастись?

– Очень просто, члены моей команды все до единого верили, что эти люди их защитят, что до них никто не доберется, все они верили, и все полегли. А я никогда и никому не верил, ждал, когда же наступит этот день, час, мгновение, я скопировал большую часть нейронной сети, выкрал часть чертежей и описаний. Я бежал, долго бежал, много раз думая, что это моя последняя минута, и от этого бежал еще быстрее. А потом прятался, меня искали. В одиночку я воссоздал Генри и, чтобы его не нашли, отпустил его на волю. Позже я повстречал группу людей, чьи интересы и идеалы были схожи с моими, присоединился к ним и вот стою перед тобой, – Альберт сошел с пьедестала и приблизился к брату.

– Неужели все это правда, все это время мы жили в неведении... Но что ты хочешь от меня? Неужели ты и впрямь думаешь, что робот способен сотворить новый мир?

– Он не робот и не человек, он что-то новое. Мы стали вымирающим видом, братец. Современная жизнь уже немислима без роботов, только они в силах основать но-

вое правовое государство, где они не были бы рабами, а люди – их заложниками, лишь тогда начнется новая эпоха для всего человечества, лишь тогда мы все выйдем из мглы. Теперь и ты в розыске, прошлой жизни у тебя уже не будет, братец, так что у тебя есть три выхода: сдать, бежать или помочь мне найти Генри. Бежать сейчас уже поздно, а пока будешь идти сдаваться – тебя прихлопнут, так что иди-ка ты поспи, братец, на верхнем этаже есть где прилечь.

Альберт показал брату его скромное ложе, пожелал приятных размышлений и удалился.

Лектор лег, пытался осмыслить все то, что рассказал ему брат, но быстро уснул мертвецким сном. Ему приснилось, что он очутился посреди оживленного коридора, мимо него сновали силуэты в белых халатах, он повернул за угол и увидел группу людей, одетых в черные балахоны. Они открыли двери в одно из помещений, раздалась очередь выстрелов, крики, вопли, все стихло, они поспешно вышли, он пошел за ними и увидел силуэт, который, завидя балахоны, ломанулся от них, началась погоня, лектор побежал вслед, упал стеллаж, силуэт вильнул в какую-то нишу, один из балахонов вильнул следом, вынул нож и бросился на кого-то, силуэт вынырнул из-под падающего тела и устремился вниз по лестничному маршу к аварийному выходу, перепрыгнув через несколько ступеней, он ударил плечом дверь и выскочил на крышу под проливной дождь. Теперь лектор будто бы вселился в бегущего, он уже выступал не случайным очевидцем, которому было интересно происходящее, а настоящим беглецом. Ринулся к пожарной лестнице, висевшей сбоку от здания, но по ней уже поднимались люди в балахонах. Его медленно окружали. Он попятился к парашюту, взобрался на него, пробегая несколько метров, сильно оттолкнулся от него и прыгнул на ближайшую крышу, которую приземлился, поскользнулся и покатился вниз, свалился на нижний ярус крыши и повис на водосточном крюке, но рука не удержалась на мокром металле, и беглец приземлился прямо посередине мощеной мостовой узкой улочки. Не прошло и мгновения, как он услышал топот бегущих за ним и, забыв всякую боль, бросился наутек. Но как ни старался бежать быстрее, скрыться никак не удавалось. Вдруг ему в шею что-то больно вонзилось. Через минуту взгляд затуманился, ноги стали заплетаться. Он быстро повернул за угол, споткнулся и упал на канализационный люк, но нашел в себе силы встать и немеющими пальцами приоткрыть его, затем быстро залез внутрь. Крышка тихонько закрылась под шумные капли ливня, краски сгустились, и все погрузилось во тьму.

Лектор проснулся, вскочил, сбежал по лестнице. Он нашел брата стоящим меж серверами все в той же шляпе и пальто, но теперь уже освещенного утренними красками.

– Я с вами, господа!

– О, доброе утро, братец, рад это слышать, у нас впереди еще много работы...

...

Наступила ночь. Звездное прозрачное небо куполом накрывало сине-зеленый сумрачный град. Генри оперся на парашют и взглянул в бездну. Многое изменилось в нем. Вдруг на парашют упала темная тень подходящего к нему человека.

– Здравствуй, Генри. Думаю, нам многое стоит обсудить...

Екатерина Бушуева, 9 «А»

ДАМА

По четвергам и воскресеньям здесь работала одна милая Дама, фигуру которой можно было сравнить с 12-струнной гитарой. Она всегда закалывала свои длинные темные волосы такой нарядной блестящей заколкой, какую можно найти в любой женской косметичке и которая относится к разряду тех украшений, которые не носят, но хранят специально для необычного случая. Каждый постоянный покупатель знал эту заколку «в лицо» и не меньше был знаком с ее обладательницей.

Она нарезала колбасу и сыр в соответствующем отделе магазина и всегда радовалась знакомым людям, заходившим к ней.

Один пожилой мужчина каждый день бывал здесь и знал эту Даму лучше, чем любой другой постоянный покупатель.

– Добрый день, добрый, – спокойным голосом поздоровался он, – я опять к вам.

– Здравствуйте! Как ваши дела? Как вы себя чувствуете? – Она всегда говорила с ним громче, чем это было нужно. Люди зачастую говорят так с пожилыми, ошибочно думая, что у всех у них плохой слух. У нашего героя он был отличным, но мужчина никогда не поправлял своих собеседников, так как не хотел ставить их в неудобное положение.

– Сегодня у меня что-то голова особенно разболелась, наверное, из-за погоды, а так... В целом все хорошо, спасибо.

– Старайтесь не унывать, все просто обязательно наладится!

– Спасибо вам еще раз, конечно. Как поживают ваши дети?

– С ними все в порядке! Младшая вот в школу недавно пошла. Это был такой праздник для нее, все лето спрашивала меня, когда она уже пойдет учиться.

– Ну дай бог всего самого хорошего.

– Спасибо! Вам нарезать чего-нибудь?

Мужчина все чаще баловал себя. Покупал любимые сыры, много чая и конфет с орехами. Но не просто так он каждый день заходил в магазин за чем-то приятным. Радовать себя мелочами казалось совершенно необходимым для него. Устраивать небольшой праздник жизни каждый день и ни в чем себе не отказывать он считал практически единственным способом насладиться последними днями жизни. Пожилой мужчина ждал свою смерть. Он ждал ее каждый день. Каждый день на столе лежало аккуратное, написанное от руки завещание. Каждый вечер он брился и каждое утро надевал чистую светлую одежду. Те несколько месяцев, что пророчили ему врачи, истекли неделю назад, и каждое утро, которое встречал мужчина, казалось ему божьим подарком.

Но смерть все не приходила. Может, она просто забыла про него или ушла в отпуск? Прошла еще неделя, потом полгода. Вдовец посетил огромное количество новых мест, попробовал все, что когда-либо хотел попробовать, пересмотрел свои любимые фильмы, перечитал все любимые книги и добавил к их списку несколько новых. Потом мужчина стал дедушкой в третий раз и, уже забыв про диагноз врачей, был счастлив. Он отмечал каждую новую зарю, провожал каждый закат, не зная, чем для него закончится эта ночь. Но именно мелочи и делали его жизнь полной чуда.

В одно воскресенье, зайдя в магазин, мужчина еще издали увидел блеск заколки. Ему не терпелось уви-

деться со старой знакомой, так что он сразу же направился к ней. По пути в любимый отдел пожилой человек лавировал между стеллажами и остальными покупателями так, как будто никогда и не знал о наступившей его болезни. Перед прилавком стояли два-три человека, но мужчина вовсе не обратил на них внимания. Дама с заколкой нарезала для кого-то сыр и стояла спиной к покупателям. Он окликнул свою подругу по имени, но она, наверное, не услышала. Тогда он позвал ее громче, Дама даже не повернула голову. Мужчина уже начал задумываться о том, не забыл ли имени, теперь он часто что-то забывал, но буквально через несколько секунд продавщица повернулась.

Это была совершенно чужая ему женщина. Как он ни старался разглядеть в абсолютно незнакомом человеке свою подругу, но она ничем, кроме заколки, не могла напомнить ему ту, к которой он пришел... Мужчина замер. И ему каза-

лось, что каждый, кто был в магазине, замер вместе с ним. Что двигалась в эти секунды только заколка. Она все так же искрилась и переливалась всеми цветами радуги, ослепляя посетителей. Сквозь пелену застывшего времени он слышал только слова продавщицы:

– Дедушка! Что вы тут кричите? Не видите, у меня очередь? Кто вам нужен? Кого вам? Кого вам?

Сложно сказать, сколько усилий приложил мужчина, чтобы выдать из себя одну-единственную фразу:

– Откуда у вас эта заколка?

Продавщицу этот вопрос поставил в неловкое положение. Она и подумать не могла, что такая безделушка, забытая, оставленная ее хозяйкой на полке, может кого-то волновать.

– Какая вам разница? Это моя заколка.

– Нет, она принадлежит другой девушке, она работает здесь.

– Уже не работает! Не задерживайте очередь!

Продавщица поспешно продолжила работу, больше не обращая внимания на мужчину. Но мысль о том, что

кто-то узнал о ее маленькой тайне, что кому-то было не все равно, мучала женщину весь день. И, наверное, мучает до сих пор.

«Не работает... Зачем она уволилась? Куда уехала или где осталась? Как сейчас учится ее дочь?» – все эти вопросы он будет задавать себе еще не раз, но будет и один особенный: «Почему оставила заколку? Не могла же она просто ее забыть? Конечно, не могла».

Мужчина стал заходить в магазин все реже. Любимые продукты уже не казались такими вкусными и не доставляли удовольствия. Книжки все чаще стали заменять телевизор, а лицо покрыла редкая щетина. «Болезнь отступила», – ошибочно думал он.

ЛИТЕРАТУРНО-РЕЖИССЕРСКИЙ СЦЕНАРИЙ СПЕКТАКЛЯ «КОНЕЦ СВЕТА»

Действие спектакля разворачивается в полной темноте.

Акт первый; действие первое; сцена первая.

На сцене появляются главные герои. Они слышат шаги друг друга.

Мира: Кто здесь?

Слава: У меня к вам тот же вопрос.

Мира: Вас тоже послали узнать, что случилось?

Слава: Нет, меня никто не посылал. Я сам решил выйти.

Мира: Значит, и у вас нет света?

Слава: Насколько я понял, у нас нет электричества в принципе.

Мира: У нас тоже...

Слава: Вы на этом этаже живете?

Мира: Да.

Слава: Повезло, главный щиток рядом.

Мира: А вы где?

Слава: Я двумя этажами выше. Как вас зовут?

Мира: Меня Мирослава. Коротко Мира.

Слава: Хах. А меня Радослав. Коротко Слава.

Мира: Интересно. Мне кажется, я никогда не слышала о вас, хоть мы и соседи.

Слава: Я о вас тоже, Мира.

Включается аварийное освещение в виде красной мигающей лампочки.

Мира: Давайте все-таки попробуем понять, что случилось. Странно, почему остальные еще не вышли.

Слава: И хорошо. А то тут такой шум поднимется, никто просто ничего не разберет. Я думаю, что ничего страшного не произошло. Очередной сбой на станции или вроде того.

Постепенно из квартир выходят люди, становится шумно.

Слава: Ну вот, как я и говорил. Слушайте. Давайте встретимся здесь же через пару часов, когда станет хоть что-то известно. Сейчас толку оставаться здесь я не вижу. Позвоните на станцию, я тоже попытаюсь разузнать.

Стало настолько шумно, что героям приходится перекрикивать голоса остальных жильцов.

Мира: Хорошо. Я буду здесь ровно через полтора часа.

Слава: До свидания, Мира.

Акт первый; действие первое, сцена вторая.

На сцене появляются сначала Мира, а потом и Слава.

Мира: Вы пришли!

Слава: Ну конечно, я пришел. Что вы узнали? Я не дозвонился до станции, линия была перегружена.

Мира: Зато моя мама смогла. Знаете, как обычно, в таких ситуациях нет ничего определенного. Что-то там произошло, они извиняются за причиненные неудобства и так далее, так далее, так далее...

Слава: И чего, когда будет свет?

Мира: «К сожалению, мы не можем пока точно сказать. Ожидайте».

Слава: Понятно...

Мира: Я хотела спросить, сколько вам лет?

Слава: 16.

Мира: А мне 17. Так что давайте перейдем на «ты»?

Слава: Давай!

Мира: Все-таки обидно, что электричество отключили. Сейчас так рано темнеет...

Слава: Согласен, неприятно.

Миру зовет закадровый мужской голос домой. Аварийная лампа начинает мигать чуть быстрее.

Мира: Прости... Это мой брат... Ему опять что-то нужно... Мне пора идти...

Слава: Встретимся завтра, здесь, в это же время? Вдруг выяснится какая-то новая информация.

Мира: А сколько сейчас времени?

Слава: Без двадцати восемь.

Мира: Хорошо, договорились.

Слава: Обменяемся номерами? Так было бы удобнее договариваться.

Мира: Между нами два этажа. Неужели мы не сможем встретиться?

Слава: А если возникнут какие-то проблемы?

Мира (с усмешкой): Я оставлю тебе записку!

Слава: Завтра, здесь же, в семь сорок, ты придешь?

Мира (уходя): Конечно.

Акт первый; действие второе.

На сцене появляется Мира. Она пытается зажечь свечку, но ничего не выходит, слышен звук шарканья спичек. Аварийная лампа мигает редко.

Мира: Да что такое...

Появляется Слава.

Мира: Слава?

Слава: Да.

Мира: Ты мне не поможешь? Я взяла свечку, чтобы у нас было хоть какое-то освещение, но не могу зажечь.

Слава: Конечно! Осталось понять, где ты.

Мира (смеясь): Вытяни руки вперед и иди на голос.

Слава касается руками Мира

Слава: Я здесь.

Мира: Держишь?

Слава: Да.

Мира передает свечку.

Мира: Еще спички.

Слава: У меня зажигалка.

Слава зажигает свечку, вспыхивает пламя. Персонажи впервые видят друг друга и внимательно рассматривают при свете свечи. Лампочка мигает то быстрее, то медленнее. Сцена сопровождается музыкой.

К концу композиции герои находятся очень близко друг к другу, вместе держат свечку, смотрят в глаза.

Мира: Привет.

Слава: Привет.

Легкое дуновение ветра, свечка тухнет.

Акт первый; действие третье; сцена первая.

На сцене введен луч света

Слава: Привет! Пойдем скорее! Я покажу! Ты не взяла свечку?

Мира: Подожди! Куда мы? Нет, ты же ее забрал в прошлый раз, я думала ты возьмешь.

Слава: Точно... Ну ладно, еще есть немного солнца. Только будь осторожна.

Слава проводит Миру в комнату на последнем этаже дома. Свет уходит и потом снова вводится с другого прожектора.

Слава: Эта комната когда-то была предназначена лифтерам. Но со временем надобность в их работе отпала, людей уволили, а место осталось. Теперь за ним никто не следит.

Мира: Поняла. И зачем ты меня сюда привел?

Слава: Я подумал, что очень приятно сидеть в сыром подъезде на холодной лестнице.

Мира: Это правда...

Слава: Мы тут уберемся, наведем уют.

Мира: Ты уверен, что сюда никто не заходит?

Слава: Да. Ну что, как тебе идея?

Мира: Можно попробовать...

Слава: Я принесу подушки и что-то для освещения.

Мира: Тогда я средства для влажной уборки.

Пауза

Мира: Расскажи о себе. А то мы толком не познакомимся.

Слава: С чего начать?

Мира: С семьи.

Слава: Я живу с отцом и младшей сестрой, ей 9 лет. Они сейчас уехали на дачу, а мне надо ездить подавать документы в колледж, поэтому я и остался в Москве.

Мира: А я живу с мамой и, как ты уже знаешь, старшим братом. Предчувствуя твои вопросы, я отвечу сразу. Родители мои разведены, и папа живет сейчас в другом городе, мы редко видимся. В какой колледж ты хочешь поступить?

Слава: Мне нравится химия... Отец говорит, что у меня это с детства. Все время смешивал что-то и пытался попробовать на вкус. Поэтому буду поступать в химико-технический. А ты разве не уходишь после девятого?

Мира: Я нет. Жаль, если место в престижной гимназии, за которое я так боролась, пропадет. Мне есть смысл остаться, тем более что я еще не совсем определилась с тем, куда поступать.

Слава: Что тебя привлекает?

Мира: Писать. Я пишу стихи, статьи в школьную газету. Думаю по поводу журналистики, но также было бы интересно получить культуроведческое или историческое образование. Вообще в мире столько всего, что мне хотелось бы изучить, прочитать, успеть сделать и узнать! Столько мест, которые хочется посетить! Жизни не хватит!

Слава: Век живи – век учишься...

Пауза

Мира: Значит, теперь встречаемся тут?

Слава: Да, и я предлагаю в это же время.

Мира: Хорошо... Проводишь меня? Чтобы я точно запомнила сюда дорогу.

Слава: Конечно.

Герои уходят.

Акт первый; действие четвертое; сцена первая.

Закадровый голос Миры читает текст. Фоном можно услышать ругань, крик, звон разбивающейся посуды. Громкость постепенно увеличивается. Из освещения мигает только красная лампочка аварийного освещения. По мере накала ссоры свет от лампочки расширяется, переходя на прожектора.

«Привет. Как и обещала, оставляю записку. Сегодня встретиться не получится, у меня появились очень важные дела, которые нельзя...»

Текст записки обрывается...

– Мам... Мам... Ты меня слышишь? Опять, да... Плохо... Он меня ударил...

– Ой бедненькая наша! Видите, ущемляют ее! А знаешь, как мне тяжело!?? Успокоилась, успокоилась?! Все?! Или еще хочешь?! Больная!! Ты что творишь?!

– Не смей ко мне подходить и говорить со мной!!!

– Успокоиться не можешь!?! Сумасшедшая! Вот кому надо в психушку, я не мне!! Я сейчас скорую вызову, вклучот тебе...

– Я сказала, не трогай меня! Уходи!! Закрой дверь!! Убирайся!!

– Точно ненормальная! Разбила мне телефон! Плати теперь 20 косарей, слышишь?! Ах я тебя избиваю!? Радуйся, что не убил еще!! Могу с радостью устроить!!

(Захлопывается дверь.)

– По голове себе дверью хлопни! Желательно с разбегу!!

– Она еще будет не меня жаловаться! Еще раз пожалуешься, я повалю тебя на пол и буду бить до тех пор, пока ты не перестанешь говорить в принципе!!!

Пространство сцены заполняет красный свет. На ней появляется Слава, он пришел к щитку и услышал шум в квартире Миры.

– Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!! Я тебя не слышу!!! Тебя нет! Тебя нет! Тебя нет!!

– Отлично! Убирайся, пока я своих друзей не позвал помочь!! Вали к батю!! Чтобы я тебя больше не видел!

Из квартиры вылетает Мира и сталкивается со Славой.

Мира все время говорит громко, у нее сбито дыхание, она плачет.

Мира: Я хотела отнести записку...

Слава: Думаешь, так было бы лучше?

Мира: Не знаю! Я не знаю!

Слава: Пойдем наверх, ты немного успокоишься.

Мира: Ты не понимаешь?! Я живу так уже много лет! Я не успокоюсь!

Слава: Все плохое проходит и забывается.

Мира: Нет! Это не пройдет и не забудется! Я хочу учиться, хочу стать достойным человеком, но каждый раз, когда меня избивают в своем же доме, я чувствую, что на самом деле давно переломана изнутри!!

Слава: Все будет хорошо... Давай поговорим...

Мира: Я уезжаю!! Я больше не могу так жить!! (Уходит.)

Слава ловит Миру за руку, и в такой позе они застывают.

Акт первый; действие четвертое; сцена вторая.

Красное освещение (в течение всей композиции) медленно сужается обратно до одной мигающей лампочки. Персонажи стоят на сцене в позе, на которой закончилась предыдущая сцена, их закадровые голоса читают стихотворение Бунина «Зачем и о чем говорить?».

Зачем и о чем говорить? И.А. Бунин

Мира: Зачем и о чем говорить?

Всю душу, с любовью, с мечтами,

Все сердце стараться раскрыть –

И чем же? – одними словами!

Слава: И хоть бы в словах-то людских

Не так уж все было избито!

Значенья не сыщете в них,

Значение их позабыто!

Мира: Да и кому рассказать?

При искреннем даже желанье

Слава: Никто не сумеет понять

Мира: Всю силу чужого страданья!

Полное затемнение.

Акт первый; действие пятое.

Персонажи вновь собираются в найденной ими комнате. Сначала появляется Слава, потом Мира. После недолгого неловкого молчания Слава начинает разговор, не поворачиваясь лицом к Мире. На сцене введен небольшой свет как-бы из окна комнаты. Инсценируется закат, и вскоре солнце совсем пропадает.

Слава: Ты получила мою записку?

Мира: Раз я здесь, значит, получила. И значит, ты получил мою.

Слава: Верно.

Мира: Говорят, скоро уже дадут свет.

Слава: Я тоже об этом слышал.

Мира: Ты хочешь поговорить о той ссоре?

Слава: Нет. Мне все понятно. Мне жалко тебя. Я ничего не могу с этим сделать. Хотел бы. Но не могу.

Мира: Я тоже.

Слава: Ты можешь распоряжаться собственной жизнью. А я твоей – нет.

Мира: Верно. И это уже мое дело. Так что давай не будем больше об этом вспоминать. Я уверена, что смогу это как-то разрешить в будущем.

Слава: Я могу тебе чем-то помочь?

Мира: Думаю, пока что нет.

Пауза.

Слава: Все-таки интересно, насколько похожи наши имена. Ты не заметила?

Мира: Только мое означает «прославленная миром», а твое «заботящийся о славе». Пусть они и похожи, но несут разный смысл.

Слава: Кстати, если сложить наши имена, то все равно получится Мирослава.

Мира: Ха-ха-ха. Действительно! Забавно!

Слава: Ха-ха! Кстати, я принес подушки и свечку.

Мира: Я тоже кое-что нашла у себя!

Слава: С чего начнем?

Мира: Открой окно, проветрим тут немного.

Персонажи занимаются уборкой и декорацией комнаты. Фоном играет музыка, и закадровый голос Миры читает стихотворение Бродского «Пророчество». Вскоре герои заканчивают обустройство и садятся около лампы на подушки. Мира прилегла и дремлет. Освещение на сцене только от свечи. Вся эта сцена распределяется на стихотворение.

Иосиф Бродский «Пророчество»

М. Б.

Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
от континента, в небольшом кругу,
сооруженном самодельной лампой.
Мы будем в карты воевать с тобой
и слушать, как безумствует прибой,
покашливать, вздыхая неприметно,
при слишком сильных дуновеньях ветра.

Я буду стар, а ты – ты молода.

Но выйдет так, как учат пионеры,
что счет пойдет на дни – не на года, –
оставшиеся нам до новой эры.
В Голландии своей, наоборот,
мы разведем с тобою огород
и будем устриц жарить за порогом
и солнечным питаться осьминогом.

Пускай шумит над огурцами дождь,
мы загорим с тобой по-эскимосски,
и с нежностью ты пальцем проведешь
по девственной, нетронутой полоске.
Я на ключицу в зеркало взгляну
и обнаружу за спиной волну
и старый Гейгер в оловянной рамке
на выцветшей и пропотевшей лямке...
Стихотворение обрывается.
Мира резко просыпается.

Мира: Ты это слышал?

Слава: Что?

Мира: Тише... Вот опять...

Раздаются щелчки

Слава: Да... Теперь слышу...

Раздается звук поехавшего лифта.

Мира: Лифт поехал!! Лифт поехал! Электричество дали!

Персонажи наблюдают за тем, как в домах напротив загораются окна. Слава встает, закрывает окно и задергивает шторы таким образом, что образовывается четвертая стена из такни. За ней видны силуэты героев, подсвеченные свечкой. Слава возвращается к Мире. Они сидят обнявшись и больше ничего не говорят друг другу. Закадровый голос Миры продолжает читать стихотворение

....

Придет зима, безжалостно крутя
осоку нашей кровли деревянной.
И если мы произведем дитя,
то назовем Андреем или Анной.
Чтоб, к сморщенному личику привит,
не позабыт был русский алфавит,
чей первый звук от выдоха продлится
и, стало быть, в грядущем утвердится.

Мы будем в карты воевать, и вот
нас вместе с козырями отнесет
от берега извилистость отлива.
И наш ребенок будет молчаливо
смотреть, не понимая ничего,
как мотылек колотится о лампу,
когда настанет время для него
обратно перебраться через дамбу.
Полное затемнение.
Вводится общий свет.
Поклон.

**Мария
Веруш,
9 «Б»**

ТРАМВАЙ

11 часов вечера. Старый гроыхающий трамвай. Обшарпанные сиденья, сломанные форточки, поручни, с которых слетает засохшая краска. Скрипучий голос оповещает о конечной, и кондуктор тормозит единственного его спутника в столь поздний час – спящую девушку. Довольно необычная девушка, к слову. Растрепанные волосы, отсутствие макияжа, шерстяное пальто без пуговиц и гитара, которую она судорожно прижимала к себе. На тонких покрасневших пальцах набухшие мозоли, а под глазами четко виднеющиеся синяки. После очередного толчка девушка вздрагивает, поднимает покрасневшие глаза на удивленного кондуктора и смеется. Чисто, беззаботно и, без сомнений, счастливо. Действительно необычная девушка... Посмотрев на запястье, где предположительно должны быть часы, она удивленно распахивает глаза и со словами «О боже, она, наверное, уже заждалась!» выскальзывает из трамвая, закинув гитару на плечо. Кондуктор смотрит вслед удаляющемуся силуэту и улыбается. Позже эта девушка сядет на электричку до кладбища и будет рассказывать своей маме, как прошел ее день. Будет играть на гитаре ее любимые песни и смеяться искренне. Будет плакать и говорить, что уже выпал первый снег, что скоро сдавать проект. И что какао дома закончилось. Она расскажет все и даже немного больше. А потом поедет домой, улыбаясь летящим с неба снежинкам и вытирая рукавом мокрые дорожки со щек.

Позже кондуктор с водителем пойдут в бар, праздная окончившая смену и предстоящие выходные. Будут смеяться и жаловаться на проблемы дома. Будут пить чай и вспоминать всех необычных пассажиров за этот день: маленькую женщину с огромной сумкой, накрашенного парня, серьезного мужчину с розовым шарфом на шее и, конечно же, ту девушку. Девушку, которая так искренне улыбалась каждому.

Однако это будет позже, а сейчас она идет, раскидывая своими старыми ботиночками снег, кондуктор провожает ее взглядом и трамвай еле слышно трогается с места в сторону запорошенного снегом депо.

МОСКВА ПОСТАПОКАЛИПСИСА

Некоторые районы Москвы похожи на зону постапокалипсиса. Потрепанные временем панельные пятиэтажки, ветхие скрипящие качели, бесконечные пересечения проводов и телефонных линий, грохочущий вдали трамвай. Осенними вечерами здесь особенно приятно. Когда под ногами шелестят опавшие листья самых теплых красно-рыжих тонов, а фонари еще не слепят глаза в крошечной тьме. Когда на улицах пустынно и лишь такие-же романтики блуждают по обветшалым бульварам. Когда ветер, неуправляемый, несущийся по узким улочкам, срывает шарф, треплет и без того спутанные волосы. Когда наступающие мрачные волны облаков не пугают, хоть ты и без зонта, ведь можно скрыться под козырьком одного из подъездов.

И когда первые капли начинают разбиваться об асфальт, наступает тишина. Вязкая, оглушающая, затягивающая в раздумья. О том, как обстоят дела на работе. О том, что так никуда и не выбрался на этих выходных. О том, что дома лежит куча непрочитанных книг и журналов. Дождь усиливается, а ты все ходишь по старым заброшенным улочкам, считаешь минуты и расшвыриваешь уже успевшую намокнуть листву. Отвлечшись на пробегающего мимо прохожего, наступаешь в лужу, и в ботинок неприятным холодным ручейком заливается вода. Носок начинает противно хлопнуть, и ты решаешь переждать разбушевавшуюся стихию под крышей одной из трамвайных остановок. Вода стекает с одежды, волос и шарфа, который теперь неприятно прилегает к коже. Достоешь телефон из кармана штанов, удостоверившись в том, что батарейка полностью разряжена, и громко выдыхаешь, выпуская в воздух клубы пара. До дома идти пешком вроде и недолго, всего пару остановок, но под такими дождем идея не из лучших. Единственное, что остается, – ждать трамвая или окончания дождя. Что наступит раньше. Минуты, наполненные размышлениями. Минуты, наполненные собственными мыслями и рассматриванием окружающего тебя ландшафта. Но вот дребезжит гудок трамвая и вырывает из образовавшегося вакуума. Ты поднимаешь голову, видишь мапущего тебе водителя и за пару больших прыжков, оглябая лужи, достигаешь дверей.

В самом трамвае на удивление тепло, безлюдно. Лишь на задних сиденьях сидят две девушки, тоже насквозь промокшие, но, похоже, забывшие о данном нюансе. Покупаешь билетик у старушки-кондуктора, садишься на ближайшее к тебе сиденье, закрываешь глаза. Монотонный стук дождя по крыше, тихие перешептывания девушек, стук рельсов и мерные покачивания вагона. Мысль о том, что скоро ты будешь дома, согревает, и ты рисуешь солнце на запотевшем стекле, с которого неровными дорожками стекает вода.

СУМАТОХА

Небо сегодня как никогда обворожительное: звезды особенно заметны, а медленно плывущие облака заставляют забыть о времени. Снежинки, уже всю падающие с неба, покрыли землю тонким молочным покровом. И на этом фоне зажигающийся свет в окнах домов напротив кажется неприлично ярким. В такие медленные дни хочется сесть на подоконнике и с высоты седьмого этажа наблюдать за вечерней стихией. Забыть о том, что на столе стоит кружка какао и что вообще-то уже двенадцать часов ночи. Забыть, что завтра понедельник, что не получится весь день провести дома. И удивляться тому, как внизу мелькают силуэты людей.

Люди, бегущие с работы, опаздывающие на автобус, спешащие на встречу. Люди, смотрящие себе под ноги или уткнувшиеся в экраны телефонов. Люди, не замечающие ничего вокруг, забывающие про существование «другой» жизни. Жизни без суеты. Жизни без постоянных долгов, оправданий и остывшего кофе. Жизни без слов «мне просто не хватило времени».

**Дарья
Ветрова,
9 «Б»**

ВЕЧЕР НА ДАЧЕ

Соня сидела на скамейке во дворе за дачным домом, а вокруг только ночь и темнота, немного разбавленная мечтами. Сидела и думала:

«Вот и остался последний месяц лета перед девятым классом. Лишь один месяц, чтобы отдохнуть, а потом начнется повседневная суета: из дома в школу, из школы на занятия, с занятий домой, а дома папа, считающий, что она ничего не делает, и Катя (младшая сестра, с которой у Сони регулярно были конфликты). Она с удовольствием провела бы этот последний месяц лета с друзьями, а в результате первую половину августа будет посещать скучные тренинги, а вторую, скорее всего, просидит на даче, где толком и поговорить не с кем...»

Ее размышления прервал стук со второго этажа, видимо, началась очередная погоня за осой, которая незаконно решила присоединиться к просмотру фильма. К слову, Соня сидела на улице именно из-за

Никто не может остановиться, бег словно рефлекс, и даже минута без движения становится мучительно долгой. Возникает ощущение, что эта минута решит всю вашу жизнь. Всего минута, ведь это не так много. Останови суматоху, улыбнись морозному зимнему вечеру, рассмотри окружающий тебя пейзаж, вдохни полной грудью, закрой глаза и успокойся. Начни с малого: замедли свой шаг, возьми книгу в метро, посмотри фильм, который так долго откладывал на потом. Ведь путь, то расстояние, которое ты проводишь в постоянном движении и спешке, – лишь расстояние. Но то, каким оно будет, – зависит от тебя.

Нам всем необходимо находить время для отдыха. Отдыха от дел, обязанностей и, конечно же, того, что мы называем «работой». Чаще всего именно книги и фильмы могут помочь нам справиться с тем, что приготовила для нас судьба. Именно те воображаемые миры, которые никогда не окажутся в нашей жизни, но в которые можем погрузиться мы. Не утопайте в жизни без развлечений. Только вы можете сделать свою жизнь и свое окружение интересным. Не упускайте этот шанс.

этого просмотра, хотя если задуматься, то скорее из-за собственного упрямства. Проблема заключалась в том, что она спала в комнате, где стоял телевизор, и когда после партии в карты с сестрой Соня решила пойти спать, она обнаружила там маму с бабушкой, смотрящих какой-то взрослый и неинтересный фильм. Она незамедлительно попыталась надавить на чувство вины родителей, однако ее попытки не увенчались успехом, и в ярости Соня выбежала из дома. И вот сейчас она сидит на скамейке, опираясь на стену дома, любуясь звездным небом и с опаской вглядываясь в лес и что-то выискивая там, как будто кто-нибудь вот-вот выпрыгнет на нее оттуда. Сидит и раздумывает о себе и своих чувствах:

«Сколько всего произошло за это время. Я успела несколько раз влюбиться и разлюбить. А может, это был мираж любви? А что вообще такое любовь? И в чем разница между любовью и дружбой?» – Соня слышала несколько ответов на эти вопросы. Правда, на второй обычно отвечали что-то вроде: «Когда ты по-настоящему влюбишься, ты это поймешь». На третий же никто не мог дать точного ответа.

Соня вздохнула.

– Почему вздыхаешь? – спросил подопешный папа.

– Не твое дело, – огрызнулась Соня, а про себя заметила, что уже не злится.

– Ладно, – ответил папа, – пойдем в дом, они закончили смотреть, так что можешь ложиться спать.

Соня еще раз вздохнула и пошла за папой в дом. И тут ей в голову закралась мысль: «А может, мне пока не надо знать ответы на эти вопросы, может, пока что просто рано?»

Дарья Гордеева, 11 «А»

СОН

«Папа, папа, папочка! Подожди!!!» – кричала она, но почему-то не могла сдвинуться с места. Казалось, что она парализована, но Вики чувствовала, что нечто крепко держало ее в своих ледяных лапах, нацепив невидимые оковы на руки и ноги девушки, наблюдало за пленницей...

Так она и продолжала стоять в оцепенении, с разраставшимся в душе ужасом, а такой родной, до боли знакомый силуэт все отдалялся и отдалялся от нее, начиная расплываться в тумане. Девушка сделала последнее усилие и попыталась вырваться, однако все, что у нее получилось, это рухнуть на что-то холодное и сырое, источающее запах плесени. Силуэт остановился, но, даже не оглянувшись, продолжил свой путь. Ей оставалось только смотреть, как он медленно растворялся вдали, пока и вовсе не растаял.

С криком Вики вскочила с постели, еще долго ей не удавалось унять дрожь во всем теле. Девушка почувствовала, как разорвались тонкие нити, связывающие ее с отцом. Его больше нет...

Она попыталась собраться с мыслями, рой которых кружился у нее в голове: «Как? Почему? Что случилось? Где он? Правда ли это?» Вики решила проверить, все ли хорошо. Прокравшись на цыпочках и отворив дверь в спальню родителей, она увидела мирно посапывающих мать и отца. Из-за облаков по комнате плыли блики луны. Все было по-старому, но чувства тревоги, тяжести и потери не оставляли ее.

Подумав, что это просто страшный сон, девушка решила вернуться в комнату. Прикрыв за собой дверь, она остановилась в раздумьях и так и не увидела, что кто-то тихо поднял голову и посмотрел на нее. Это был отец, только вместо голубых глаз на дверь смотрели два узких зрачка с радужкой кровавого цвета...

Анфиса Горелкина, 10 «Б»

КОМНАТА

Ты когда-нибудь задумывался, сколько в своей жизни посетил комнат?

Закрой глаза. Что ты видишь? Темноту. Пустоту. Ты думаешь, она бесконечна? Нет, совсем нет. Ты в комнате, просто тут выключен свет, вот и все. Открой глаза. Где ты на этот раз? В комнате, конечно же. Комнаты, ячейки, кабинеты – всюду. Может все-таки выйдешь погулять (пока не поздно)?

Нет? Тогда закрой глаза еще на секунду. Ты знаешь, как выглядит эта Комната? Моя, мне кажется, похожа на потрепанную и обжитую поколениями семей однокомнатную квартиру, где на стене обязательно должен висеть классический русский ковер с замысловатым узором из красных маков, третья половица всегда недобольно поскрипывает, а в углу стоит проигрыватель советских времен. Уверена, я проводила бы часы, дни, изводя тот самый проигрыватель, за просмотром одной и той же кассеты. Кассеты с моим рождением. Забавно и

нелепо наблюдать себя такой маленькой и беспомощной, но родители выглядят действительно счастливыми и обрадованными моим появлением на свет. Тогда никому не было важно, какую профессию я выберу, в каком вузе буду учиться, с кем буду делить постель, каким образом жить. Все были просто рады моему существованию.

Раз за разом, когда запись заканчивается, на душе обязательно остается осадок, как после просмотра какой-либо выдающейся киноленты или окончания любимого сериала. Нам всем бывает неприятно и болезненно расставаться с чем-то хорошим, всегда хочется, чтобы оно продолжалось вечно.

В Комнате мы никогда не бываем одни. Ты не знала? Это съемная квартира, с нами живут наши страхи, пороки, переживания и прочая нечисть, и ты тут отнюдь не арендодатель. Иногда их становится так много, что воздуха просто перестает хватать на всю вашу честную компанию. И тогда они начинают поглощать, изводить и питаться ТОБОЙ, твоим сознанием. Раньше безобидные и незаметные – сейчас страшные и омерзительные твари огромных размеров, заполняющие всю площадь Комнаты. Но самое главное – ты их не видишь, ты просто знаешь, что они тут есть, но даже не можешь предположить, насколько близко они к тебе. Где-то вдалеке ты слышишь, как к вечеринке присоединяется Страх Неизвестности.

Я смею предположить, что сейчас ты в панике озираешься по сторонам в поисках окна или двери. Твое самое заветное желание – вырваться отсюда, сделать глубокий вдох, почувствовать ветер на своем лице и сбежать подальше от Комнаты и гнусных сожителей. Разочарую тебя, здесь нет ни окон, ни дверей, ни даже маленькой щелочки. Ты обречен быть залпрым здесь, обречен вечно сидеть, забившись в угол, жить в страхе и неопределенности. Я знаю, что ты недоумеваешь: откуда здесь вообще появились эти твари? Откуда, черт возьми, взялась Комната?

Ты забыл? Ты ее создатель. Сомневаешься?

Когда мы рождаемся, мы свободны от всяких границ, ничего нас не смущает, мы никого не стыдимся и не боимся. До определенного момента всем попросту наплевать на твою беспечность, ее списывают на твою юность и «зелень». Момент наступает, и люди вокруг начинают воспринимать тебя как прокаженного с твоей естественностью и открытостью, осуждать тебя за твою невинную глупую улыбку, адресованную всему живому. У кого-то этот момент раньше, у кого-то позже, в зависимости от условий, в которых жил человек.

В этот момент ты закладываешь фундамент своей собственной Комнаты. Родители, друзья, учителя, незнакомцы на улице, журналы, газеты, ведущие твоего любимого развлекательного канала – абсолютно все и вся будут диктовать тебе, как правильнее, как ДОЛЖНО быть, загонять тебя в Комнату поменьше, воруя драгоценные квадратные метры. Все с наслаждением и каким-то диким восторгом наблюдают, как ты воздвигаешь Ее, свою темницу, всем доставляет неопишное удовольствие наблюдать за твоим честным трудом, ведь ты единственный, кто не знает к чему он приведет.

Они, «помощники», исчезнут, как только ты все построишь. Во-первых, потому что ты станешь им не нужен – пляски под чужую дудку закончились, ты ничемный шут, больше не смешно. Во-вторых, ты попросту больше не можешь слышать их, теперь вас разделяет Стена. Теперь тут только ты, сводящая с ума тишина, отсутствие света и придающая неуверенности рюмка неизвестности.

Ты все еще в углу, я слышу тебя, слышу, как ты задыхаешься, как тебя душат твои же порождения, твои же страхи и внутренние демоны. Прекрати это. Открой глаза.

Дом, милый дом? Долгожданное освобождение? Нет, снова Комната.

ЗМЕЯ

– Ты его любишь?
– Нет.
– Но он тебе нравится?
– Нет, – по спине пробежала стая мурашек. Отвратительно. Как же мне отвратительно ее существование. Я нервно повела плечом, словно стряхивая осадок этого в миг испорченного дня.

– Что тебе нужно? – она усмехнулась.
– Ты ведь в курсе, что не нравишься ему? Или нет... А! Ты ему омерзительна, – она упорно продолжала гнуть свою линию, – Помнишь, как глупо себя повела тогда? У тебя еще были длинные волосы, ты носила такой убогий хвостик... Да и в принципе выглядела убого и нелепо! – комната наполнилась ее пронзительным злым смехом. Кажется, у меня даже заложил уши.

Руки непроизвольно сжимаются в кулаки, к лицу мгновенно прилила кровь, стало невыносимо жарко. Черт! Как же я это ненавижу! Надо сдерживать себя, надо сдерживать свою злость и эмоции! Контроль!

Вдох.

Выдох.

Мне значительно лучше, но желание врезать кулаком по ее самодовольному лицу, стереть эту идиотскую ухмылку, никуда не пропадает.

Она знает, что мной легко манипулировать, и она этим пользуется. Абсолютное безразличие к состоянию

другого человека, способность довести его до истерики. Полное отсутствие тормозов. Она – неконтролируемый и неподвластный никому монстр, без целей в жизни, питающийся исключительно человеческими страданиями. Моими страданиями.

– Уходи, – я не сказала – выдавила это слово, но главное – без дрожи в голосе.

– Нет, – спокойно ответила она. Я так рада, что не вижу своего лица в этот момент, которое наверняка беспорядочно покрыто красными пятнами. Одного взгляда сейчас на себя в зеркале хватило бы, чтобы довести меня. Какая же я жалкая...

– Оу! Неужели мы сошлись во мнениях?! – ее звонкий и противный голос вернул меня в реальность.

– Возможно... – неужели меня действительно ТАК легко распалить?..

– Нытик.

– Да.

– Подростковая блажь. Псевдодепрессивная дурочка, – восторженно продолжила она.

– Да, – я как-то быстро сдалась. Хотя я даже и не пыталась. Во мне просто не осталось сил бороться с ней. Откуда она взялась?

– Зачем ты это делаешь? – приглушенно. Голова гудит, сердце выстукивает похоронный марш.

– На тебе лица нет. Что-то случилось, милая? – притворно-слащаво, – Тебе никто не станет помогать, ты же знаешь – никому не интересны твои проблемы, – тон сменился на леденящий, демонический.

Последняя капля. Я обессиленно падаю на колени, разбивая их о холодный кафель. Я устала. Просто устала.

Ее руки медленно опустились на мои плечи. Холодные. Внутри у меня тоже все похолодело. Не от страха.

– Ты чудовище, – шепот на ухо. Руки уже успели обвить вокруг моей шеи. Я почувствовала ее дыхание на своей щеке, такое же ледяное. Глаза предательски щип-

лет, и я зажмуриваю их, дабы предотвратить подступающие слезы.

Хватка на шее становилась крепче, давя вырывающийся из меня выдох.

К черту! К Ч- Е- Р- Т- У!

И вот по щекам уже текли слезы.

– Какая молодец! Умница! – ее дикое хихиканье эхом пронеслось по комнате. Но я ее не слышу. Похоже, теперь я потеряла связь с внешним миром окончательно – трансляция передачи на радио прервалась, теперь слышен только шум.

Кажется, она меня только что укусила, таким образом окончательно высасывая из меня оставшиеся в таком малом количестве жизненные силы, заменяя их отвращающим мой организм ядом. Я теряю сознание?

Скрип открывающейся двери, и Она моментально исчезает.

– Что?..

Уже другая рука, теплая, опустилась на мое плечо.

– Эй... Что случилось? Ты в порядке? Здесь кто-то еще? Почему ты плачешь?

– Кто-то... ты ее не видишь? – я дрожу. Недолгое молчание, в течение которого, мой собеседник очевидно пытался различить хоть что-то в этой непроглядной темноте.

– Хм... Здесь никого кроме тебя...

– То есть? – выхожу из оцепенения, оглядывая комнату. Действительно никого. Куда она могла деться?

– То и есть, – ее смех теплее и веселее, в нем нет сарказма и злости. Ее рассмешила моя реплика, а не я.

– Ммм... – ее глаза непроизвольно округлились. То есть... Ее никогда не существовало? Это была просто... часть меня? Это Я?

– Ну пошли уже отсюда! Здесь так неудобно... Пойдем, умою тебя, – весело и тепло сказала она, хватая меня под руку и таща к двери. Ее рука была такая же теплая, как и ее слова, как и ее голос. Я дома?

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРА МАГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ

Посвящается Ульриху Седобороду, магу и учителю.

Вступление

Здравствуйте, дорогие мои читатели! Меня зовут Эрик Рыжеголов по прозвищу Длиннорукий, и я хочу поведать вам историю о моих странствиях по миру в поисках различных магических вещей. Подозреваю, что некоторые из вас недолюбливают меня за то, что именно мне достались многие из предметов, на которые вы тоже когда-то положили глаз (не зря же меня прозвали Длинноруким!), завидуют размеру коллекции, которую я собрал в течение жизни и теперь храню в подвале замка, доставшегося мне от родителей. Большинство же знают меня как не самого плохого мага или просто как седовласого старичка, с которым приятно попить чаю, поболтать о былых временах и посмотреть, как я проделываю разные магические штучки с любимыми экспонатами коллекции, а также поучиться им у меня. Сейчас я

уже стар, и некоторые события давно прошедших дней начинают стираться из моей памяти, поэтому пришлось время поведать миру о моих приключениях, дать советы людям, увлекающимся магическими предметами, подарить миру полезный справочник и приоткрыть завесу тайн, окутывающих многие предметы моей коллекции.

Я не боюсь описывать место, где хранятся мои ценности: подвал замка запечатан с помощью могущественных чар, которым меня научил мой учитель – мудрый Ульрих Седобород. Ему я посвящаю эту книгу воспоминаний в знак благодарности за годы ученичества, терпение и мудрость, с которыми он относился к нам, его непоседливым, порой заносчивым и самонадеянным, но всегда верным ученикам!

Спустившись вниз по винтовой лестнице, спрятанной за одним из gobelenов парадного зала, я попадаю на площадку перед массивной железной дверью и с помощью заклинания снимаю с нее защитные чары. Дверь скрипит (пора бы уже смазать ее маслом!), кряхтит, лязгает, но открывается. Еще несколько ступенек вниз, и я оказываюсь в подвале. У меня всегда с собой лучина, с помощью которой я зажигаю факелы, закрепленные на четырех стенах просторной квадратной комнаты. Без огня здесь ничего не разглядеть! Это и есть потайное место, где вот уже много лет я храню свою коллекцию.

С чего все началось? Вот с этого небольшого медальона, лежащего на каменном постаменте в самом центре комнаты на подушке из бордового бархата. Подушка покрыта стеклянным колпаком, но, подчинившись известному только мне слову, колпак поднимается в воздух, и я беру вещьцу в руки. Бронзовый медальон достался мне почти случайно. Однажды, будучи еще начинающим волшебником, я стал свидетелем схватки двух достойных, но вспыльчивых магов, поспоривших как раз из-за медальона. В ходе схватки оба ее участника оказались мертвы, а медальон (предмет их раздора) остался лежать на поле боя, так как выпал из кармана одного из волшебников, когда тот, сраженный смертельным заклинанием, вылетел из седла и упал на землю. За долгие годы мне так и не удалось до конца понять, как управлять медальоном, хотя некоторые его свойства я все же приоткрыл, но о них, а также о битве двух волшебников, я расскажу в одной из глав моей книги. Опасаясь неожиданностей, я тогда сразу же спрятал медальон в подвал замка, в котором ту пору бывал лишь наездами. В этот замок впоследствии я стал привозить и другие добытые силой, хитростью или просто купленные по случаю волшебные вещицы.

Мои экспонаты хранятся по-разному: некоторые, подобно медальону, покоятся на бархатных подушках под колпаками из толстого полированного стекла, другие (в основном это предметы, обладающие сильными или даже опасными для человека свойствами) – в надежно запертых деревянных сундуках или металлических кофрах. Мои гости очень редко бывают в тайном подвале – чаще всего я сам выношу им отсюда волшебные

предметы, которые демонстрирую в парадном зале или кабинете-библиотеке на втором этаже.

На противоположной от входа стене есть дверь, ведущая в небольшую келью. Я произношу еще одно заклинание, и дверь открывается. Здесь, в самом укромном и потаенном месте замка, скрыто мое самое дорогое сокровище – простое на вид кольцо из серебристого металла с многочисленными царапинами и парой зарубок, которые, как я полагаю, остались от ударов меча. С помощью лучины я зажигаю масляную лампу, закрепленную на цепи в самом центре потолка. Лампа висит примерно в полуметре от водруженного на каменный постамент ларца, в котором хранится кольцо, поэтому рассмотреть мой любимый экспонат можно в мельчайших подробностях. Сразу видно, что кольцо предназначено для мага: его размер и лаконичные формы – серебристый обруч и крупный овальный камень мутно-голубого цвета – не оставляют никаких сомнений в том, что предмет никогда не был предназначен для ношения на изящном женском

пальце. Камень в зависимости от освещения и действий, производимых с кольцом, может менять свой цвет, становясь из светло-голубого свинцово-серым. Почему я так дорожу этим кольцом? Все очень просто. Вы же наверняка слышали легенду о семи колдунах – Огня, Воды, Земли, Воздуха, Льда, Природы и Грома? И, скорее всего, помните древние сказания о великих колдунах Эрле Пылком, Ярле Спокойном, Перле Твердом и Казимире Буйном? Эрл, Ярл и Перл, согласно этим сказаниям, владели кольцами Огня, Воды и Земли, однако, насколько я знаю, кольца бесследно исчезли вместе со своими хозяевами задолго до моего рождения. Казимир, известный своим непростым и даже взрывным нравом, до сих пор является обладателем кольца Грома, и мне несколько раз удалось с ним пообщаться. Что касается колец Льда и Природы, то их изначальные владельцы (так же как и современное местонахождение колец) остаются тайной. Правда, до

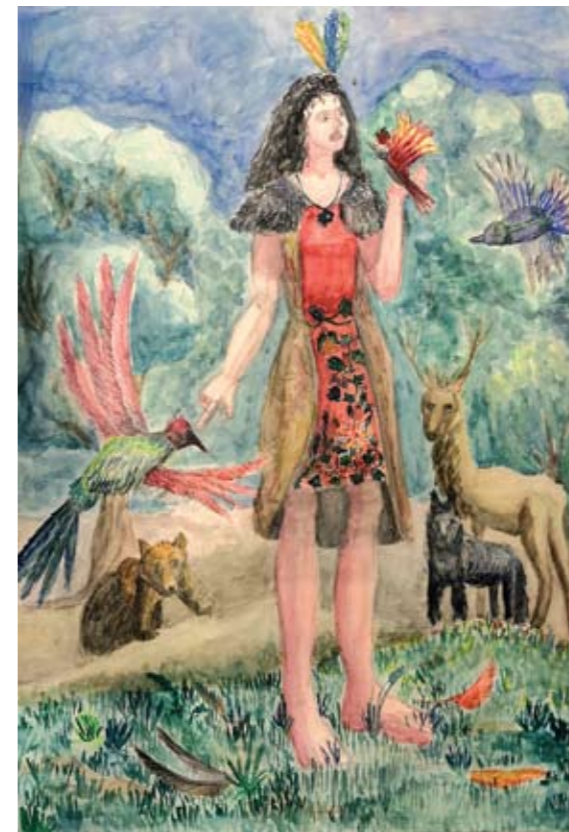
нас доходили слухи о некоем Иване Ледоколе, колдуне с далекого Севера, подчинившем своей воле силу Льда, но это вполне могут быть и выдумки. Осталось кольцо Воздуха, называемое также кольцом Ветра... Именно оно лежит сейчас передо мной на темно-зеленой шелковой подушке. Как оно ко мне попало? Каковы его свойства и силы? Кто владел кольцом Воздуха до меня? Об этом, как и многом другом, я расскажу позже.

Закрыв за собой дверь потайной кельи, я вновь окидываю взглядом квадратную комнату подвала. В дрожащем свете факелов я вижу множество других предметов, о которых я хотел бы рассказать вам, мои дорогие читатели. Однако, как говорится, обо всем по порядку. Заканчивая вступление, я начинаю длинный и познавательный рассказ о магах и волшебстве, добре и зле, кольцах и посохах, мантиях и волшебных палочках, заклинаний, сокровищах и заговоренных кубках... Переворачивайте страницу, если не боитесь того, что ждет вас впереди!

Василий Игошин, 11 «Б»

Предлагаемый текст – вступление к повести «Воспоминания коллекционера магических предметов». Повесть состоит из отдельных рассказов, повествующих о волшебных предметах, хранящихся в коллекции мага и авантюриста Эрика Рыжеголова по прозвищу Длиннорукий.

Лилия Мурзаева, 10 «А»

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

*И если мне кто-нибудь скажет,
Что ты тянешь меня ко дну,
Я просто возьму тебя за руку
И с тобой далеко уйду...*

*Уйдем же мы туда, где нас никто не знает,
Не знает наши лица, имена,
Туда, где нам никто не упомянет,
Слова «неправильно», «нельзя»...*

*Да, соглашусь, грешны мы больше всех,
Но рая без тебя мне и не надо.
Так чем же вам страшна наша отрада?
И быть любимой и любить мне ль тоже грех?*

*Стервятники, что кружат над тобой,
Погибнут тут же от руки моей,
Ты только подпусти меня поближе,
Как я, ты мною заболел...*

*Так, люди, просто нас поймите,
Ни боль, ни зла мы вам не причиним.
Как есть, без всяких «но», вы нас примите,
Ведь твердо знаем лишь одно:*

*Дано любить лишь тем, кто пролил слез за то,
Чтоб только рук и губ родных прикосновения,
Как в первый раз расплавили плечо...*

Тайсия Размахина, 10 «А»

ЧЕЛОВЕК У ТЕЛЕВИЗОРА

Экран мерцал, переливаясь неестественно яркими красками, в маленькой комнате с задернутыми шторами. Голос телеведущей вещал о полусотне новых заводов и еще десяти строящихся. На фоне оранжевых комбинезонов рабочих и ревущих строительных машин застыл блеклый силуэт человека, наблюдавшего через экран за жизнью, какой ее представлял неумолкающий голос. По плотной ткани занавесок двигались едва заметные тени.

«...Вероятно, этот март станет самым жарким за последние пятьдесят лет. Напомню, что сейчас в столице температура воздуха – двадцать восемь градусов Цельсия, осадков в течение дня не ожидается...»

Женский голос сменился другим, и мужчина на экране, беспрестанно растягивая губы в приятной бесцветной улыбке, заговорил о глобальном потеплении. Его слова были будто одинаковые гладкие камешки, один за другим падающие в соленую воду, только некоторые камешки были больше других. Их слух выхватывал из общей массы, и каждое отдавало безнадежностью перед лицом катастрофы. Однако незаметно речь диктора коснулась непосредственных причин изменений, а затем, не прерывая размеренного тона, испытаний боевых ракет в соседней стране.

«...неоспорима связь между этими явлениями. Тем более наше мнение подтверждается результатами исследования государственного института естественных наук. Подробнее об эксперименте...»

Снова изменилась расстановка фигур на экране. Камера показала серые стены огромной аудитории. У кафедры стоял человек в накинутом поверх свитера халате. Он объяснял суть своего опыта, и огонек в глазах ученого разгорался все ярче по мере погружения в подробности дела. Потому первые же вопросы репортера казались заданными особенно некстати: блеск в глазах исчез, человек смутился и сбился. На его лице застыло выражение внезапно охватившей неловкости и разочарования. Все так же ровно человек за кадром интересовался, где была собрана ракета для испытания и был ли установлен на ней флаг.

Интервью закончилось, и новости поочередно сменялись выпуском о лечении отита, передачей о тайнах Бермудского треугольника, презентацией книги

Наталья Соболева, 11 «Б»

ЧЕЛОВЕК В ПИДЖАКЕ

Было серое утро. Самое обыкновенное утро осени, которая только-только начинает вступать в свои права. Стало только холодать, все чаще слышится шуршание золотых листьев под ногами прохожих, все сильнее стучит дождь в окна людей. В то самое обычное утро самый обычный человек сидел в своем кабинете и угрюмо смотрел в свой компьютер. Что он там рассматривал, никто не знал, но что-то его конкретно беспокоило. Прошло полчаса, а он все сидел, и сидел, и сидел, и сидел... В конце концов ему надоело, ведь, в сущности, ничего особенного в том железном ящике не было, а хмуриться человек просто привык и уже не мог представить себя иначе. Работал он сам на себя, со всеми был в хороших отношениях, у не было завистников и врагов, не было и близких друзей. Всю жизнь он посвятил своей карьере, на все же остальное он закрывал глаза. Он не ходил в театр, не любил смотреть фильмы, не любил

о воспитании трудных подростков и мультфильмом о начальной школе.

Анимированные фигурки быстро перемещались по экрану, эмоционально переговариваясь и смеясь. Прозвенел первый звонок, и учитель жирно вывел на доске: $2 + 2 = 6$. Ученики дружно склонились над тетрадками. Синие шариковые ручки зашуршали по бумаге.

Человек у телевизора нажал на паузу.

На несколько минут оглушающая тишина повисла в комнате. Голос нарисованного учителя как будто не подчинялся законам физики и все повторял нехитрый пример, с которым пробудившееся сознание упорно отказывалось соглашаться.

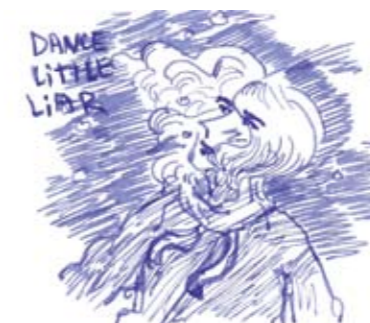
Через некоторое время с улицы все яснее начал доноситься шум десятков голосов.

Человек с трудом раздвинул шторы. На сером асфальте площади стояли рабочие в оранжевых комбинезонах. Забастовка длилась уже не первый день.

ночные прогулки, а предпочитал сидеть на скамейке и рассматривать деревья в своем любимом парке. Называл он его любимым, по правде сказать, только из-за того, что в другие парки он не ходил, стало быть, это был единственный парк, где он любил размышлять сам с собой о жизни и целях, мечтах и печалях. И в это самое обыкновенное утро он также, по своему обыкновению, решил пойти в свой любимый парк и посидеть там в компании серых голубей, которые, казалось,

пытались понять, о чем же он думает. Он присел на скамейку, поправил бережно свой пиджак, которым он тайно гордился и почти боготворил, закинул ногу на ногу и принялся внимательно разглядывать деревья. Этот пиджак он просто обожал, он чувствовал себя в нем всегда очень уверенно и, как он считал, солидно. Все люди, которых он встречал, подшучивали, что он просто себя пришил к этой вещи и теперь не может оторвать ее.

Он сидел и рассматривал все вокруг. Ему нравилось наблюдать за трещинами на асфальте, за муравьями, которые в спешке бежали туда-сюда, нравилось смотреть, чем занимаются люди в свободное время. Его взгляд упал на человека в наушниках, который ехал на самокате, тихо напевая припев какой-то до ужаса знакомой и поэтому всеми ненавистой песни. «Я бы тоже хотел вот так кататься и слушать громкую музыку... – подумал он и сразу же нахмурился. – Я, в своем пиджаке, буду кататься на этом самокате! Некрасиво получится». И он продолжил следить за жучком, который нес травинку, усердно перебирая лапками. Он дополз до середины дороги и обронил свою ношу. Замяшкавшись и перебирая лапками, он все же решил продолжить свой путь, как вдруг случайный прохожий наступил на него, не заметив и не придав этому никакого значения. «Какой, однако, славный был жучок, и как он трудился, как старался донести эту травинку до своего дома. Да... Грустно, конечно», – подумал наш самый обыкновенный знакомый и сразу же поморщился. «Тьфу! И что же я из-за этого насекомого переживаю? Ну раздавили и раздавили, мне, впрочем, никакого дела до него нет. Как же я смешон и жалок, а ведь я вон какой, в таком пиджаке сижу и мне-то

и легкости юности. Ему было весело, и его совершенно не заботили озадаченные лица взрослых, которые с недоумением смотрели на его игры и домик. И даже когда пришел один очень серьезный человек и сказал, чтобы он не лазил на дерево, тот оживленно ему улыбнулся и пообещал, что он и пяткой своей не прикоснется к этому дереву. Они пожали руки, и очень строгий человек ушел заниматься своими обычными делами, которыми занимаются такие же серьезные люди, как он. Но он, мальчик с кудрявыми каштановыми волосами, решил, что раз уж он пообещал, что не коснется и пяткой того дерева, то придется, значит, постараться залезать, не касаясь пятками. Это было ужасно весело, и он даже придумал игру, которая с первого раза всем понравилась.

«Да, было и такое время. Как бы мне хотелось сейчас ощутить ту свободу и радость, которая была у меня в детстве. Я бы сейчас смог бы взлететь и покорить небо... Однако что-то я замечтался. Меня и так все устраивает, да к тому же пиджак уж больно хорош и в моде сейчас». Он полубовался сам собою и усталился на дороге. По ней медленно шла женщина. Ей было около семидесяти, но лицо у нее было хоть и старое, но какое-то красивое. Она шла медленно, обхватив себя руками. На ней был платок и какая-то серая кофта, которая совершенно не соответствовала погоде. «Какая, однако, странная старушенция», – подумал он и продолжил следить за ней. «Оделась так, как будто на дворе лето. Ну и дела». Он смотрел ей вслед и вдруг, сам от себя не ожидая, ринулся за ней. Когда он поравнялся с ней, то машинально снял свой пиджак и накинул ей на плечи:

– Натя вам, бабуся, а то замерзнете, да и помере раньше времени. Нехорошо, некрасиво получится.

Женщина посмотрела на него своими маленькими глазками, что-то прошептала своими сухими старческими губами, что-то вроде «храни тебя Бог», и продолжила путь. Он смотрел ей вслед и почувствовал прилив сил и радости в своей душе. Он улыбнулся и удивился: «И чему это я обрадовался? Отдал своей любимой пиджак какой-то женщине, а она, может, его и продаст за хорошие деньги. Да уж, какой я, однако, странный... Ну да будет с нее». Он пошел было к скамейке обратно, но, дойдя к ней, уже не смог сесть на прежнее место. Что-то в нем проснулось, что-то тайное и ранее ему неизвестное или забытое. Как будто он вдруг познакомился с другим человеком. Он постоял минуту и пожал плечами: «Всякое случается, да все забывается».

Он не спеша пошел в сторону калитки, уже не думая ни о женщине, ни о пиджаке, ни о тех мыслях, которые у него возникали на протяжении всего такого длинного утра. Он с любопытством поглядывал по сторонам. И почему-то небо перестало быть серым и тяжелым, из-за свинцовых облаков выглянуло солнце, теплый осенний ветер сменил холодный, какая-то стайка птиц пролетела совсем рядом, послышался громкий детский смех где-то вдали, и он в это самое обыкновенное утро, в этом самом обыкновенном парке, в эту самую обыкновенную минуту, сам того не понимая, почувствовал себя необыкновенно счастливым человеком, которого он не знал уже много лет.

жалеть всяких жуков. Фу, гадость». Он передернулся, поправил еще раз свой пиджак и посмотрел в сторону детской площадки: на ней играли дети и слышно было, как звучал, словно колокольчик, их детский безудержный смех. Рядом с ними сидели взрослые и что-то обсуждали. Он узнал их. «Э-э-э, так это ж соседи мои. Надо пойти поздороваться». Он уже собрался встать и пойти к ним, но, передумав, еще удобнее уселся на лавочке, скрестив руки на груди. «Да пускай болтают, я их еще буду смущать своим присутствием, и вообще, я сегодня так одет, что другие будут чувствовать себя некомфортно, находясь рядом со мной», – подумал он и почему-то улыбнулся. Он продолжил наблюдать за детьми и вдруг перенесся далеко-далеко в свое детство. Он тогда очень любил играть с ребятами во дворе, а еще забираться на деревья. У него даже было свое собственное дерево, как он считал. Он устраивал там себе домик, где ему было уютно и хорошо. Он испытывал необыкновенное чувство, которое не понимал в полной мере и не особо ценил. Это было чувство свободы

Анастасия Черкаева, 11 «Б»

УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИГ

Шаг Девушки, несущейся по городу, напоминал бег. Она бежала в школу, из школы на занятия, после занятий домой, чтобы поскорее поесть и сделать уроки. Она бежала в гости и в ресторан, ведь время на развлечения у нее тоже было строго отмерено. Несмотря на это, Девушка все равно часто опаздывала, не успевала и порой замирала, словно ожидая чего-то. Она не успевала понять, чего же она так ждет и что за вопрос крутится в ее голове, – надо было бежать дальше. Бежать по серому мегаполису. Бежать по шумному метрополитену, бежать по квартире в поисках вещей. Бежать, бежать, бежать...

В один из обычных дней Девушка, как обычно, бежала по улице. Точно зная куда, во сколько и когда ей надо будет назад. Вдруг она остановилась. Что-то изменилось на этой улице. «Странно, – подумала Девушка, – я же хожу здесь каждый день. Разве что-то могло измениться? Тот же дом, тротуар, дорога, забор...» Тут взгляд ее упал вниз. С удивлением Девушка обнаружила, что около забора нет снега. Там была уже высокая травка. Это было так удивительно! Да, она одевалась по погоде, заглядывая утром в приложение, чтобы узнать прогноз. Конечно, она следила за календарем: у нее весь месяц был расписан наперед. Нужно было знать и число, и месяц, и день недели.

Перед глазами Девушки полетел калейдоскоп событий. Вот она бежит, но дышать все сложнее. Вот она остановилась, потому что задыхается. Вот она у врача, который говорит, что ей необходимо переехать в менее загрязненное место. Советует небольшой городок. Вот она в этом городке.

Городок был настолько крошечный, что Девушка своим привычным бегом проходила его насквозь за сорок минут, ловя на себе удивленные взгляды горожан. Однако со временем сорок минут превратились в час, а потом и в полтора. Девушка стала замечать, что в городке нет часов, ни у кого не было календарей. Зато везде росли деревья. Асфальта тоже не было: все дороги и улицы были покрыты щебенкой. Жители не использовали машины, а, что-

бы быстро добраться в другой конец города, ездили на велосипеде.

Вскоре Девушка перестала пользоваться часами. По закрывающимся одуванчикам она понимала, что наступает вечер, по темнеющему небу, что пора спать, а вставала по пению птиц.

Вместо приложения «Погода» Девушка каждое утро подходила к окну, распахивала его настежь и подставляла ладонь ветру. По его порывам и температуре она понимала, какой сегодня будет день, теплый или прохладный, и надо ли брать с собой куртку. Глядя на облака, она определяла, будет ли сегодня дождь.

Затем она перестала пользоваться календарем. По созревшим ягодам она угадывала месяцы лета, по цвету пестрых листьев различала месяцы осени, по длине дня и обилию снега знала месяцы зимы. Весной она смотрела на проталины, почки и цветы. Ах, как было восхитительно идти под деревьями, слушая, как распускаются почки, касаться нежных шелковистых листочков пальцами, нюхать только-только распустившийся цветок, смотреть, как играют лучи солнца среди молодой зелени!

Вдруг что-то коснулось ее ноги. Это ветер качал траву у забора. А она щекотала Девушку. Подняв глаза, Девушка увидела мегаполис. Вспомнила, что мгновение назад она куда-то торопилась... Развернувшись в другую сторону, Девушка спокойно пошла вперед. Она знала ответ на мучивший ее вопрос: «Зачем?»

«Мне кажется, что это не про меня»

Дарья Лёгкая,
лауреат премии
2018 года
в номинации
«Человеческое
измерение»

Кто был хоть один день королем или королевой в Нарнии, навсегда останется здесь королевой или королем.

Клайв Стейплс Льюис.
«Лев, колдунья и платяной шкаф»

В гимназию я попала случайно. Мы с мамой узнали буквально за пару недель до их начала, и мама предложила попробовать. И только потом, узнав о набранном нужном количестве баллов, мы решили, что стоит перейти. И я никогда не сожалела, что перешла в гимназию. За это время она стала для меня вторым домом.

Для меня важно, что одним из лауреатов премии стала Настя Папанкина (с которой я познакомилась почти случайно), потому что она тогда, в начале шестого класса, была для меня образцом того, как надо посту-

пать. Сейчас я ее знаю уже почти шесть лет и помню тот восторг, который у меня был, когда она получила премию, тогда я подумала, что я хочу равняться на нее. И эти ощущения оставались со мной каждый раз, когда награждали ребят в последующие годы.

Я плохо представляю себе Ю. Б. Пирятинского, поскольку в школу пришла уже после его ухода и знакома с ним только по рассказам и фотографиям, но мне кажется, что этого вполне достаточно, чтобы проникнуться уважением к этому человеку. Меня восхищает его любовь к работе, к детям, к жизни, не меньше – рассказы его учеников и коллег про него. Быть лауреатом премии имени такого человека очень почетно, с одной стороны, а с другой, мне кажется, задает определенную планку. Но как мне однажды сказал один замечательный человек:

«Это знак, что ты не одна». И это так. Ты не один – с тобой красная школа. Не просто здание, а люди, учившие и учившиеся, учащие и учащиеся, которые решили, что так надо.

Когда я получила премию, я была в шоке, потому что не могла представить себя в качестве лауреата, и, обсуждая вечером с мамой этот день, говорила: «Мне кажется, что это не про меня». А она остановила меня, сказав, что надо оставить окружающим их право на принятие таких решений. Я еще долго не могла поверить в случившееся, и некоторое время меня не покидало ощущение, что это затянувшийся розыгрыш, но потом я все же приняла ситуацию и решила, что надо попробовать соответствовать, ведь, в принципе, все осталось по-прежнему. А ничего вокруг и не должно было измениться. Измениться должно было что-то во мне. По крайней мере, начать.

А еще я хочу сказать, что я бескрайне благодарна гимназии за возможность проявить себя не столько в учебе, сколько во внеурочных мероприятиях и выездах. За возможность попробовать что-то новое. За возможность выбора. За возможность стать лучше. Я благодарна гимназии за людей, которые меня окружают. Я благодарна за моих учителей. Не просто учителей, а настоящих наставников, которые не только делятся своей мудростью и опы-

том, помогая искать себя и познавать что-то гораздо большее, чем просто отдельные науки, но и хранят память о тех, кто это делал до них. Я благодарна гимназии за моих друзей, с которыми мы вместе уже не первый год преодолеваем различные трудности, учимся. Я благодарна моей маме за предложение попробовать.

Я хочу выразить огромную благодарность всем этим людям,

которые меня окружают, за то, что они всегда были рядом, всегда были готовы помочь и поддержать, верили в меня временами даже больше, чем я сама. Я благодарна им за ту атмосферу тепла и уюта, которая меня окружает в красных стенах и не только. Гимназия, которая всегда с тобой. Я благодарна им за то, что они есть в моей жизни.

Люблю. Очень.

Второй год подряд награждению лауреата премии в номинации «Человеческое измерение» предшествует «Пирятинская лекция». В ноябре прошлого года лекцию на тему «Языки и перевод в современном мире» прочитал Павел Палажченко – личный переводчик первого президента СССР Михаила Горбачева.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ЦЕРЕМОНИИ
ЛИЧНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА СССР
МИХАИЛА ГОРБАЧЕВА
ПАВЕЛ ПАЛАЖЧЕНКО,
КОТОРЫЙ ПРОЧТЕТ «ПИРЯТИНСКУЮ ЛЕКЦИЮ» НА ТЕМУ
«ЯЗЫКИ И ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»
НАЧАЛО – В СРЕДУ, 28 НОЯБРЯ, В 14:00
Организовано: Пирятинский районный центр культуры, спорта и туризма
Спонсор: Администрация Пирятинского района
Место проведения: Актовый зал Структурного подразделения по культуре, физ. и спортивной школе № 10

«Не бойтесь себя преодолеть!»

Елизавета Булаева,
лауреат премии
2018 года
в номинации
«Русская
словесность»

Мне уже не стать героиней песни Цоя «Восьмиклассница». И не сравнить себя с Юлей, которой посвятили тот самый «медлячок». Мне уже не испытать первую школьную любовь, не организовать зарницу на Волге, не прогулять географию с подругами в туалете, не станцевать кадрили с одноклассником и еще много чего уже не сделать. А вот вам все можно.

Понятное дело, после выпуска открывается множество новых дверей и дорог, но их не сравнить с теми, что ты прошел в школе. Выпускник смотрит на пятиклассников и завидует им. А они завидуют ему. И каждого можно понять.

Я немного открою свою душу в этом тексте, но, знаете, это не так уж и страшно. Не страшно, потому что я знаю, что он попадет в руки Владимира Николаевича и какие люди будут читать этот текст.

Когда я была в седьмом классе, мне ужасно сильно нравился мальчик, который был в одиннадцатом. Но я не смела к нему подойти и поздороваться, а уж тем более заговорить. Мне он казался недостижимым «божеством», у него были свои проблемы одиннадцатиклассника,

своя взрослая жизнь. Какое ему дело до девочки, которая только-только выучила неправильные глаголы по английскому? И вот я, уже выпускница, вспоминаю свой седьмой класс и свои самые настоящие страдания и думаю о том, как же можно было быть такой глупой! Как много я упустила из-за дурацких предрассудков, которые мне никто не мог развеять в тот период. В этом же седьмом классе я пообещала себе, что когда-нибудь стану такой же «крутой и популярной» девочкой, с которой захотят познакомиться все младшеклассники и которая будет блистать на всех школьных дискотеках! Ну, согласитесь, глупой же я была. Чего бы мне стоило просто побороть свою неуверенность и поговорить с тем самым мальчиком. Ведь он такой же человек, как и я. И более того, такой же человек, как и учительница биологии. И уж тем более у них не так много различий с нашим директором. Все мы люди со своими страхами, неуверенностями и переживаниями. В пятом классе нам кажется, что учителю математики больше нечего делать, как задавать бедным детям домашнее задание и мучить их на контрольных. А вы задумывались о том, что у учителя тоже есть своя семья, свои заботы, и более того – душа и сердце? Что учитель так же сидел за партой и переживал из-за двойки. Что он тоже, возможно, когда-то презирал свой внешний вид или даже плакал. И что он не тиран и злодей, а просто человек, только более мудрый и опытный.

Что уж говорить об одиннадцатикласснике, у которого переживаний в жизни не меньше, чем у девочки в седьмом классе.

Что я хочу этим сказать? Да то, что многие возможности мы упускаем из-за своих же предрассудков. Из-за сложившейся в голове «иерархии» школы. Мы придумываем себе искаженные образы, ставим себе несуществующие границы и рамки, из-за которых теряем очень и очень многое.

Мораль сей басни такова: цени момент и не бойся ничего.

Наверное, тебе будет страшно подойти и пригласить девочку на танец. Или пойти на прослушивание в театральную студию. Или же попробовать себя в роли руководителя на Волге. И это нормально! Многие говорят, что стоит воспринимать школу как некую подготовку к реальному миру, демоверсию настоящей жизни. Что нужно пробовать все, стараться проявить себя во всех сферах школьной жизни и так далее. Но как же так? В эти одиннадцать лет мы находимся не в симуляторе, не тренируемся. Мы живем, мы чувствуем, мы запоминаем. Вот я окончила школу и жду, когда начнется моя «настоящая жизнь». А она уже давно-давно началась. И пора начинать действовать! Пора начинать делать то, чего так давно хотели, чего не решались сделать, а ждали момента.

Я поделюсь своим опытом, когда действительно сделала то, чего не ожидала от самой себя (кстати, сделала и не пожалела). Мой коротенький рассказ на премию я написала совершенно случайно и никак не планировала присылать его. Зачем лишний раз позориться? А моя подруга посоветовала (очень настойчиво) это сделать. Я так боялась и сомневалась, что отправила Владимиру Николаевичу письмо с тек-

стом и фразой «не считайте меня, пожалуйста, душой». Какова же была моя радость, когда в этот же вечер мне позвонили и мягким голосом сказали, что душой меня не считают! Ну а потом я стояла на сцене, радовалась за всех вокруг и понимала, что я все-таки невероятная дура, ведь хотела добровольно лишить себя такого счастья. А потом я плакала, держала в руках диплом и булочку. И вот сейчас я пишу этот текст, и у меня болят щеки от улыбки.

А теперь самое важное – благодарность. Нет в жизни ничего важнее людей, которые находятся рядом с вами, ведь человек красив людьми. Я не смогу выразить в словах такое большое «спасибо», чтобы оно могло хоть на капельку передать мои чувства. Но в то же время я обязана это сделать, потому что другой возможности увековечить любовь к важным для меня людям не будет. Я благодарна Светлане Юрьевне за то, что на линейке в пятом классе она взяла меня за руку. Я благодарна Владимиру Николаевичу за тот самый звонок, ведь именно тогда я нуждалась в его словах больше всего на свете. Я благодарна Кате, Марусе, Игорю и Илье (и вообще всем моим школьным друзьям) за то, что они всегда рядом и умеют сказать что-то такое, от-

чего на лице расцветает улыбка. Я благодарна каждому человеку в красном здании за поступки, слова, улыбки и объятия. Я благодарна своей семье за вечную поддержку все эти семь лет. И я благодарна Ксюше за то, что 8 сентября 2018 года она написала мне вот что: «Никогда больше не пиши, что тебе стыдно за твое творчество, премия тебя ждет». К слову, вот так и началась эта очень важная история в моей жизни. Так что послушайте Ксюшу и начните свою! Как известно, у подобных историй всегда счастливый конец.

Самое ценное, помимо знаний и друзей, что мы можем получить из школьной жизни – воспоминания. Поверьте, в 60 лет человек с большей теплотой вспомнит именно то, как прошел его первый школьный праздник, а не то, что его взяли на работу. В нашей голове эти 11 лет будут особенно красочными, особенно яркими и счастливыми.

В детском садике нас действительно спрашивали о том, кем мы хотим быть в будущем. Тогда я даже не подозревала, что через 11 лет я буду уже и руководителем двух семей, лауреатом общественной премии, звездой класса и просто самой счастливой Лизой на свете.

1505, спасибо за это.

Несентиментальные путешествия

«В поезде должна быть идеальная тишина. Помните: я должен дремать», – моя мама до сих пор с нескрываемым восхищением вспоминает краткий и, как водится, чрезвычайно емкий инструктаж Юрия Брониславовича перед одной из наших поездок в пятом классе.

Дмитрий Карцев,
журналист издания
«Медуза», выпуск
2003 года

Чем грозит тишина неидеальная, я лично усвоил в первый же день первого же путешествия в Переславль-Залесский, когда имел несчастье проснуться за полчаса до подъема, назначенного на 8 утра, и начать в полный голос рассуждать о веземной жизни. Что именно сказал разъяренный куратор, когда в тренировочных штанах и майке ворвался в нашу палату, я, конечно, уже не помню, но благоговейный трепет, куда больший, чем перед любимыми инопланетянами, и острое нежелание вставать раньше назначенного времени остались на всю жизнь. Тогда было трудно поверить, что ЮБ возьмет меня в следующую поездку и что когда-нибудь эти путешествия станут одним из самых дорогих и важных переживаний гимназической юности...

Переславль и Ростов Великий, Кострома и Ярославль, Киев и Санкт-Петербург (три раза точ-

но), Вологда и Смоленск, Тверь и Калуга, Тула и Владимир, Прага и Будапешт – и это, кажется, не полный перечень городов, куда мы успели съездить под руководством Пирятинского за пять лет его кураторства. А ведь были еще бесконечные подмосковные дома-музеи, усадьбы, монастыри... Общегимназические турслеты осенью, наши собственные выезды в Раздоры весной... Помню, как он, уже выпустив нас, жалел, что мы так и не съездили на майские в Одессу или хотя бы еще раз в Петербург – прокатиться на катере по каналам и Неве («Вы, Дмитрий Александрович, конечно, не в курсе, но Питер не просто так называли Северной Венецией!»), прогуляться, как герои классических романов XIX века, «на островах», рано утром домчаться на «Ракете» до Петергофа и посмотреть на церемонию включения фонтанов... Не случилось.

Если говорить о «педагогике Пирятинского», то, отдавая дань уважения всему, что он дал нам как учитель русского языка, я все же позволю себе сказать, что самое главное для меня – подлинное, сокровенное – происходило вне этих блестящих урочных спектаклей (а в том, что это великолепно поставленные спектакли, сомневаться не приходится – их ставил классик жанра!).

Юрий Брониславович, конечно, никогда не был глянцево-паточным. И путешествия с ним редко получались сентиментальными – чаще ироничными, сложными, беспокойными, всегда – интересными и запоминающимися. В одной из поездок он сообщил, что «на педсовете было озвучено три главных кандидата на отчисление: Веденский, Гринберг, Карцев». В итоге все трое в целом весьма благополучно доучились до выпускного вечера 11 класса. Это была игра по его правилам, иногда довольно жестким, но такая, в которой он многим и почти всегда помогал выиграть.

Но вот этот человек с крутым нравом, искренней верой в «железную руку» и педагогическую эффективность периодического «закручивания гаек» дал нам, почти еще детям, свободу, о которой дома, под родительским крылом, многие еще годами могли только мечтать. Сначала по полчаса на покупку сувениров, потом пару часов «свободного времени», позже полдня, а то и целый день на самостоятельное освоение города.

Мне кажется, он был поразительно тонким психологом. Первые годы нам, маленьким и благоговеющим (Антон Ильич до сих пор вспоминает, как на первом турслете в пятом классе, всего через пару недель после прихода в гимназию, мы категорически отказались обедать без любимого куратора, который давно столовался в соседнем лагере), всюду чудился образ «великого и ужасного». Но прошло время, мы выросли, и то, что начиналось как страх, стало органичной частью нашей внутренней культуры.

Это он научил здороваться, благодарить и прощаться с работниками сферы обслуживания, это благодаря ему я по сей день разговариваю в поездах полупешотом («Ваш фальцет был бы уместен в комической опере, здесь ценителей нет!»), и вот только совсем недавно стал пренебрегать привычкой аккуратно складывать белье перед тем, как отдать проводником. В Европе редко догадываются, что я русский турист, – спасибо за это Пире!

Часто на экскурсиях он стоял чуть поодаль от группы, обычно с Антоном Ильичом, и что-то ему весело напечатывал. Конечно, было страшно интересно, что же. Став старше, мы были допущены «к уху»: это были какие-то мелкие, незначительные детали (иногда, впрочем, довольно скабрёзного свойства), которые мало кому бросались в глаза, но порой головокружительно меняли всю картину. Пирятинский умел видеть культуру и мир объемно, глубоко, в деталях – и это свое умение передавал нам, ученикам.

Но вот удивительная история. Как-то в порыве чувств и откровенности один мой одноклассник выпалил: «Да поймите вы, ЮБ, мы в поездки ездим не ради ваших церквей и музеев, а чтобы оторваться по полной!» Позже это стало предметом бесконечных Пириных шуток и вошло в наш классный фольклор, а в тот момент, держась за голову и думая, кому нужна такая откровенность, я был в очередной раз поражен учителем. «Молодец, – отсмеявшись, сказал он. – Это хоть честно».

В Пирятинском было много разного, но он всегда был искренен и не прощал только одного – непорядочности. Юрий Брониславович сделал нас всех лучше, чем мы могли бы быть.

С 2016 года Пирятинская премия совместно со школой № 1505 и журналом «Историк» является соорганизатором лектория «Историк» на Преображенской». Новые лекции нового – третьего по счету – сезона состоятся уже этой осенью.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ:

Вадима Александровича ТЕРЕХОВА и Арсения Александровича ЗАМОСТЬЯНОВА, Вячеслава Геннадьевича УВАРОВА за то, что они взяли на себя труд внимательно прочитать и доброжелательно отрецензировать тексты, номинированные на соискание Общественной премии имени Ю. Б. Пирятинского;

Екатерину Николаевну КОПЫТ за замечательные фотографии наших номинантов, сделанные специально для этого издания;

выпускников и их родителей, сотрудников и друзей гимназии, в разное время поддерживавших и до сих пор поддерживающих премию:

Андрея Балинского, выпуск 1998 г.; **Марию Андрееву (Бардукову)**, выпуск 2000 г.; **Алексея Баукина**, выпуск 1999 г.; **Илью Бера**, выпуск 1998 г.; **Наталью Варако (Загянскую)**, выпуск 1992 г.; **Александра Давыдова**, выпуск 1986 г.; **Екатерину Давыдочкину**, выпуск 2002 г.; **Наталью Егорову**, выпуск 1989 г.; **Валентина Жмуркина**, выпуск 1992 г.; **Екатерину Канаеву (Сергиенко)**, выпуск 1992 г.; **Юлию Коршакову**, выпуск 2000 г.; **Дмитрия Кухтина**, выпуск 1994 г.; **Юлию Лукьянову (Иванекину)**, выпуск 1998 г.; **Александра Мацука**, выпуск 1985 г.; **Марину Юрьевну Папанкину**; **Андрея Петухова**, выпуск 1999 г.; **Григория Петушкова**, выпуск 1996 г.; **Светлану Пороскову (Калинину)**, выпуск 1992 г.; **Владимира Рыбина**, выпуск 1998 г.; **Екатерину Ряхину**, выпуск 2002 г.; **Ирину Юрьевну Савкину**; **Анну Ситас**, выпуск 2000 г.; **Максима Слешина**, выпуск 1992 г.; **Андрея Столярова**, выпуск 2000 г.; **Наталью Токсанбаеву**, выпуск 1994 г.; **Бориса Федякова**, выпуск 1990г.; **Юлию Чечик (Козыреву)**, выпуск 2000 г.; **Александру Панкратову (Азовцеву)**, выпуск 2010 г.; **Василия Панкратова**.

УЧРЕДИТЕЛИ ПРЕМИИ:

Борис Веденский, выпуск 2003 г.;
Матвей Геллер, выпуск 1985 г.;
Сергей Говоров, выпуск 1998 г.;
Светлана Гончарова, выпуск 1985 .;
Дмитрий Карцев, выпуск 2003 .;
Ольга Колчугина, Михаил Левит,
Глафира Леонова, выпуск 2010 г.;

Антон Молев, выпуск 1995 г.;
Марина Полетаева, выпуск 1986 г.;
Владимир Рудаков,
Елена Серова, выпуск 1993 г.;
Ольга Смирнова, выпуск 1985 г.;
Алексей Фалько, выпуск 1992 г.;
Григорий Шандалов.

Над номером работали
 Редактор: **В. Н. Рудаков**,
 Верстка: **Н. Е. Пыльнева**
 Корректурa: **И. А. Черникова**.
 Фото: **Е. Н. Копыт**, **М. В. Малиновская**.
 Рисунки: **Белла Айзенберг**,
Генрих Бартельс, **Анфиса Горелкина**,
Таисия Размахнина.
 Тираж: 150 экз.

Пирятинская премия – это частная инициатива, осуществляемая на личные средства тех, кто поддерживает идею присуждения премии.

ВЫ МОЖЕТЕ ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ имени Ю. Б. ПИРЯТИНСКОГО,

переведя любую сумму в премиальный фонд:
 карта VISA (Сбербанк) 4276 3800 5842 4339,
 телефон: 8-985-774-38-90,

казначей премии – **Гончарова Светлана Витальевна** (выпуск 1985 года).